

A person wearing a dark blue t-shirt and blue jeans is holding a wooden rifle vertically. The person's arm and hand are visible, gripping the rifle. The background is a blurred green field.

ВЛАДИМИР КОРКИН
(МИРОНЮК)

ВЗЛОМАННАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Skleněný
mústek
2015

Владимир Коркин
(Миронюк)

ВЗЛОМАННАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Современная сага

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSC 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Коркин Владимир, выпускник Московского полиграфического института (редакционно-издательский факультет) 1972г. Много лет работал на Севере – корреспондентом окружной газеты «Красный Север» Ямало-Ненецкого округа; городской газеты «Ухта», а также редактором районной газеты и собкором республиканской газеты «Красное знамя» Республики Коми. Шесть лет возглавлял пресс-центр Коми республиканского комитета профсоюза работников нефтяной, газовой и строительной отраслей промышленности. В реском профсоюза редактировал также ведомственную газету «За единство». На Северном Кавказе, на Кубани живет с января 1997 года. До июля 2002 года работал в газетах Краснодарского края. Владимир Никорин и Владимир Брусника – литературные псевдонимы. Публиковался в газетах Тюменской области, Республики Коми, Кубани, Ростова-на-Дону, а также в свое время в некоторых центральных изданиях, в т.ч. в газете «Социалистическая индустрия». Награды - бронзовая медаль ВДНХ - Выставка достижений народного хозяйства (за активную работу с рабкоровскими постами, разработку современных рубрик и их реальное воплощение в жанрах на газетных площадях); знак «Отличник печати» и некоторые др. ведомственные. Член Союза журналистов Российской Федерации. В последние годы пишет фантастику и стихи, увлекся исторической тематикой. В Краснодарском крае в 2009г. издал две книги прозы, защитив свои работы ISBN. В 2011 г. в Германии вышли в электронном формате две книги, одну из них «Похождения, катавасии переулком» продублировали на бумажном носителе. В начале 2012г. русская редакция английского издательства «Альбион» выпустила в электронном формате книгу «Три рассказа», а в ноябре 2012г. это же издательство выпустило в электронном формате и на бумажном носителе книгу «Откровения гаснущей звезды», в 2013г. «Альбион» издал книгу «Пространство нелюбви», в которую вошли повесть, рассказы и стихи. В 2015 г. в Чехии на русском языке изданы под фамилией Владимир Коркин (Миронюк) – Миронюк – это один из псевдонимов, по девичьей фамилии матери (родом с Украины (Волынь)) три сборника: «Юго-Западный фронт и другие горизонты событий», «Сеть судьбы офицера Игоря Ергашова» и фантастическая диалогия «В рюкзаке у Времени».

© Владимир Коркин (Миронюк) 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

ISBN 978-80-7534-036-8

Содержание

Глава первая

- 1. В КРАЮ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ**
- 2. БАБА ВАРЯ**
- 3. НА ГОРЕ РАЙСКОЙ**
- 4. МАТЬ КАЙГУСЕЙ**
- 5. СКАЗКА О КАМЕННОЙ ИДОЛ-ПТИЦЕ**
- 6. ПОЧЕМУ ЭОЛ НЕ СБРОСИЛ СО СКАЛЫ**
- 7. НЕ СОРВАТЬСЯ БЫ, ГОРЫ!**
- 8. МАТУШКА МИРА**

Глава вторая

- 1. ПРОСТРАНСТВО ВЗЛОМАННЫХ ВЕХ: НАДЯ**
- 2. ПРОВИНЦИЯ: ИСПОВЕДЬ ГАСНУЩЕЙ ЗВЕЗДЫ**
- 3. ПРЕДЫСТОРИЯ НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ЛЮБВИ**
- 4. ЖИВОСИЛУ ПЕРЕБИЛИ КРЫЛО**

Глава третья

- 1. ОДИНОЧЕСТВО: НЕДЕЛИ, МЕСЯЦЫ, ГОДЫ**
- 2. ПРОСТИ, ВАЛЕРИЯ**
- 3. ХРОНИКА НЕСУРАЗИЦ**
- 4. В КАФЕ ELEFANT**
- 5. ДУЭЛЬ: НЕ ДЛЯ СЛАБОНЕРВНЫХ**

Глава четвертая

- 1. ОТКРОВЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛА**
- 2. КАК НЕ УГОДИЛ МОЧЕВОЙ ПУЗЫРЬ НАЧАЛЬНИЦЕ**
- 3. ВСТРЕЧА С БОЕВИКОМ**

Глава пятая

- 1. СМЕРТЬ КРАДЕТСЯ РЯДОМ**
- 2. НЕ УЗНАЛА**
- 3. ПРОСТРАНСТВО ПАДЕНИЙ И ПОБЕД**

* * *

Бунтарская осень.

Бунтарская осень. Отбросив намёки,
К ногам сероглазой с восторгом припала.
Вобрала в себя аромат нежной кожи и утонула
В волне обаянья и трепете ночи.
Аврора уж встала, над горизонтом восстала.
Проснись, волшебство, твоё время настало.

Но падает оземь предвестье прощанья.
Знать, уж зимы белокрылой вращенье.
И бесполезно просить тут прощенье.
Всему свои сроки, всему свои сроки.
Нам скажут поэты и ясновидцы пророки.

Бунтарская осень. Бунтарская осень.
Не хочет она, чтобы всё перекрасило в проседь.
Ещё вон листок рвётся к стынувшей розе.
Ну как же не хочется ему в руки упасть
к беспощадной холодной прозе.

Бунтарская осень. Бунтарская осень.
Ещё она гладит нам волосы у вечно зелёных сосен.
Ещё она ласково нас закружит,
Срывая с полей негу беспечных дней и ночей.
И наполнит, конечно,
ладони струями холодных дождей.

Бунтарская осень. Бунтарская осень.
Ты моя одиссея и небесная просинь.

Владимир Коркин

Глава первая

Преодоление: почему Эол не сбросил со скалы

1. В КРАЮ ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ

Ничем неприметная станция Хорей приняла на свой перрон пассажирский поезд. Стоянка короткая. В горной котловине разместились несколько десятков сборно-щитовых домов и сложенных из бруса-шпальника. Стражин, едва ступив на эту давно охваченную холодом землю, отчего-то решил, что уедет в полевую партию нынче же. Хотя, если поглядеть реально, то перспектива сомнительная. Прибыл сюда, не уведомив начальство экспедиции. Так что оказия могла и не подвернуться. Надвигались скорые полярные сумерки. Память, хранившая опыт прежних поездок к геологам, подсказывала: вездеходчики, водители тягачей – вездеходов, предпочитают штурмовать тундровые и предгорные зимники ближе к ночи. Снежная белизна не слепит глаз, ничто не отвлекает от дороги, разве что набегающие порой раздумья о родном доме, о семье, или просто о близких людях. Для многих полевикув их отчий край сродни миражу, до которого только мыслью и можно дотянуться. Предчувствие не обмануло Стражина. Начальник Хорейской экспедиции высокого роста черноволосый и чернобровый украинец Борис Маньчук, с жаром принявшийся рассказывать журналисту главной областной газеты о перспективах новых исследуемых площадей, подтвердил догадку Виссариона, что вечером в Северо-Хорейскую поисковую партию обязательно будет оказия.

– Пойдут четыре машины. Ты буквально разминулся с начальником партии Андреем Разинцевым.

– А что он за человек?

– Как тебе сказать. Если коротко, то родом из Питера. Геолог от бога. Имеет труды, замахивается на кандидатскую степень. И станет ученым! Его родители – буровики. Как писали о них твои

собратья газетчики, подбирают ключи к нефтяным месторождениям. – Борис весело рассмеялся. – Действительно, батя его орудует на буровой глубокого бурения ключами, да ещё какими, от них руки и поясница отваливаются. Ну, а мать – коллектор. Да, Лена, жена Андрея, техник-геофизик. Виссарион, ты ж бывал у нас на Саудейкинском рудном месторождении, он там работами командовал.

– Не припомню. Всё с тобой общался, готовил к празднику очерк. Ты в ту пору ходил начальником партии. Не так ли?

– Точно. Мы тогда на Саудее вели детальную разведку. Помнишь, как на перевале бедовали? А Раиса Мингатулина? Как он куролесил! И нынче он у меня на тягаче солярку жжёт, только отсюда не близко, в Юго- Западной партии.

Надо ли Виссариону особо напрягаться, чтобы восстановить связь времен?

* * *

Вездеходы геолого-поисковой разведочной партии шли на Саудейкинскую площадь, богатую полиметаллами. Это двести километров вглубь гор Большого Камня. Или больше. Кто считал здесь вёрсты? Какой математик возьмётся измерить здешние овраги, малые и большие каньоны, лощины, подъемы на перевалах, распадки, переправы по грохочущим летом речушкам, а то и рекам! Так вот, перевал, по которому карабкались машины, накрыли хмурые тучи. Подпрыгни – и твоя ладонь сорвёт сырые ватные клочки. Вскоре засочилась мутная, мелкая, как дорожная пыль, морось. Унылое однообразие горных краёв, зажатых тучами, скрадывали редкие здесь островки до отчаянности жёлтых цветов. Вершина перевала, голая и плоская, словно грубо оструганная столешница, являла собой адскую смесь гравия, глины, щебня, песка, камней. Ненастье. Хлебнули ребята лиха на перевале. Вездеход, где коротали время Маньчук и Стражин, «разулся». Машина наскочила на ребристый валун, порядком скрытый наслоениями всё той же адской смеси, и один из стальных пальцев, связывающих звенья гусеницы, лопнул. Трак остался позади

рвавшегося вперед вездехода, метров, этак, в двадцати с гаком. Решив преодолеть расстояние за счет скорости, водитель запустил двигатель на все обороты и дал задний ход. Надсадный рёв, сизые клубы выхлопных газов окутали раскисшую землю. Ни назад, ни вперёд. Сплошная няша. Какая тут раскачка! Накрепко увяз разутый тягач. Выход один: всем впрячься в трак и подволочь его по вязкой грязи к машине. Под дружное:

-Ээ- эй уу- уухннем! – сантиметр за сантиметром подтягивали геологи чудовищно тяжёлую гусеницу к вездеходу. Рядом с Виссарионом чертыхался Борис Маньчук. Утробно чавкала хлябь, соскальзывали с металла насквозь сырые брезентовые рукавицы-верхонки. Саднило поясницы, трещали мускулы, и мнилось парням, что ещё одно мгновение – и лопнут жилы, изойдут они кровянкой, и не подняться с корточек тем, кто вздумал присесть. Занудный небесный душ смешивался с ядреным солёным потом, слезами, незаметно смахиваемыми рукавами фуфаяк с измученных и грязных лиц. Трудная мужская работа. Люди «колдовали» до поздней серенькой полярной ночи, пока не «обули» вездеход. Потом, не чуя под собой ног, разбрелись по своим машинам и свалились на спальные мешки, забылись свинцовым сном. А под утро со студеного моря ворвался на перевал ледяной ветер, вымел остатки тепла из крытых грубым брезентом кузовов тягачей. Жестокый холод поднял на ноги геологов. Первым, путая спросонья татарские и русские ругательства, высказал таким манером своё неудовольствие суровым рассветом водитель соседнего тягача Раис Мингатулин. Он повернул замок зажигания, бешено заколотилось могучее сердце машины. Сон разлетелся вдребезги. Пробуждение возвращало ребят в реальный мир, на макушку перевала горы Черной.

Неудача красалась за отрядом по пятам. Едва спустились в долину, как вышла из строя другая машина. Сколько водители не колдовали, она безмолвствовала. Никакое волшебство «золотых» рук не могло её оживить. Маньчук, чтобы избежать превратности судьбы, одну машину на ходу оставил здесь, а две отправил на базу экспедиции за запасными частями для вышедшего из строя

вездехода. Техника скрылась из глаз. За тем самым коварным перевалом, пряжкой громадного ремня перехватившим и этот начинавшийся у основания горы неглубокий каньон, где стиснутый горной речкой Пайпудындой и цепью невысоких гор, сиротливо уткнулся в хилый ивняк и тальник сломавшийся вездеход. Оставшиеся геологи собрали сушняк, скоро языки пламени живо лизали ветки под походным треножником. Заметалась в котле вода. Ладони обжигала подгоревшая на жарких углях картошка. Ходила по кругу банка рисовой каши с тушёной говядиной, хрустела на зубах подгоревшая корка картохи. Жгла пальцы старая солдатская кружка с чефиром – крепчайшим и вкуснейшим чаем. В нём волчком кружились алые бусинки брусники, собранной на зелёной полянке, обрамлённой карликовыми березками, живущими, невзирая на любую непогоду, на скуднейшей почве. А над горсткой геологов разворачивались полотнища зловещих плотных туч, будто рождающихся в здешних глухих ущельях. Где-то далеко отсюда на востоке или западе они сольются в мрачную громаду, испепелят небосклон огненными рукавами молний, исхлещут мир ледяными дробинами – градинами и скрученными в жгут смерчами.

– Это и быть у чёрта за пазухой, – невесело обронил Мингатулин. – Чем бы дельным заняться, кунаки? А то палим кострище. Так вонючей соляжкой и прожжём пупок земле – матушке.

К вечеру настроение испортилось у всех. Томило вынужденное безделье. Вернул ребятам бодрость духа завхоз партии Романыч, как его все величали, развеселивший нехитрыми побасенками.

– Гха, – начал Романыч, пропавший было на несколько часов невесть куда, – так вы щож мэнэ нэ бачили во-оон на тий вэршины? А я вам, хлопцы, звидтиля и кричал, и палкой махав. Ох, и красота ж там! Пидемо уси, га? Ось у тую сторону хатыны в двисти этажей, и думается мне, что Нею-Йорка там, не инше.

За Романычем на вершину, на ночь глядя, никто и не подумал идти. Посмеиваясь, ребята пытались убедить его в том, что он брешет напропалую.

– Ни, – серьезным тоном уверял Романыч, – Нею-Йорка там, а туды – Москва. Сам бачив. Ось пидемо, побачите...

– Не вры, кунак, – занервничал нетепреливый Раис. – Я на тушке – ТУ – километров на десять взмывал и ни шиша из иллюминатора не бачив, – поддразнивал он говоруна. – А тут, тьфу, пятисотметровая горушка. Хе-эх. – И под одобрительный и усталый смех парней заключил: – Ты, дед Романыч, не иначе как з глузду зыхав – спятил.

– Ни, – добродушно продолжал незлобивый завхоз, и глаза у него были в тот момент правдивее правды, – ты парень глазастый, да не в ту степь. А ежели я падамусь на пять или десять тыщ, то не оленей побачу у моря, не лебедей даже, не Ньюйорку тэж, а усю Амэрику и Аустралию, бо зрением бог меня не обидев...

Утром, едва рассыпалась, распалась, прорванная зубцами гор негустая здесь, неплотная шаль августовской ночи, как геологи высыпали из машин. Кто вприпрыжку умчал к реке, кто подался в кусты. Стражин с Маньчуком на берегу. Будто и не вода, а лед! Обдирает щеки старое, замызганное в дороге, вафельное полотенце. А когда сквозь серую облачную пелену пробились лучи долгожданного солнца, посветлели лица геологов, потеплело на душе. Полыхает костёр, каруселью ходит речная вода в ведерном чайнике, донельзя прокопчённом. И как вчера прыгает в ладонях горячая картофелина, переходит из рук в руки банка с мясными консервами. Виссарион подталкивает локтем Маньчука:

– Глянь, пятно коричневое в ложине. Никак олени.

– Э гей, олени. Дикие. Жаль, нет бинокля, он у Паши, водителя головного тягача, что ушел на базу экспедиции. Впрочем, мы ещё полюбуемся ими. Наш лагерь они не минуют. Тропа рядом. Поднимемся чуть выше, так и быть, посвящу тебя, – улыбнулся Борис.

Они направились к склону горы Чёрной. Поднялись метров на сто. Возле носков сапог то и дело шмыгали крохотные зверьки в коричневато-серой шубке.

– Лемминги нынче порядком расплодились, – прокомментировал Маньчук суету зверюшек. – Будет где зимой охотникам разгуляться. Что твои брови торчком? Где лемминги, там и песцы. Они рады полакомиться этими грызунами.

– Значит, лисы и волки будут тут как тут.

– Верно. Знаешь, какие тут водятся волчары полярные? Гиганты. Если будешь гостем фактории в Лаборзовой, загляни в склад, увидишь шкуры. И мишки косолапые летом здесь у рек шалют. Эти хитрые черти обожают хариусы. Рыба знатная. – Маньчук цокнул языком, перевел дыхание. – Слухай дале, хлопец. Оленям надо прорваться из лощины вон через тот проход, что у горухи напротив нас, куда вчера Романыч взбирался. Дальше, километрах в семи, есть чудо-озеро, вокруг мягчайший мшаник, пастбище на диво. Хорошо бы там и самому всласть поваляться – побарахтаться с какой-нибудь кралей на той перине моховой, – со смехом заключил Борис.

– Маньчук, не орёл над нами?

– Да, это орёл беркут. Однако крупный экземпляр. Размах крыльев наверняка под два метра. Красавец. Темно-коричневый, а шея ржаво-жёлтая.

– Неужто цвет шеи разглядел? Зачем тебе вообще бинокль!

– Чудак, просто знаю. И в неволе видел. Ишь ты, парит. Добычу выследил – хилого больного олешку или сосунка-несмышлёныша.

Их мирную беседу прервал рокот мотора. Клубы дыма обволокли вездеход и он, подминая хрупкий мох, высекая полотнищами гусениц искры на камнях, набирал скорость, держа курс на оленьё стадо.

– Бежим, хлопчик, та живенько! Живо! – рявкнул Маньчук, сбрасывая телогрейку. – Не зевай, у Раиса ружьё. Натворит, чертяка, дел!

Лишь глубокие трещины, перерезавшие в нескольких направлениях небольшой каньон и местность выше, не позволяли Мингатулину вести машину прямо к цели. Проклиная горячий характер Раиса, Виссарион и Борис мысленно отдали должное профессионализму водителя. Он в хаосе валунов, умело лавируя, выбирал единственно верный маршрут, позволявший беречь вездеход и уверенно приближаться к всполошившемуся коричнево-му пятну оленей. Геолог и молодой журналист уже прикинули,

в какой точке должен пересечься их бросок и виртуозное кружение машины вокруг каменных глыб. В груди мужчин klokотал горячий воздух, готовый разорвать лёгкие. Решительный рывок приятелей наперерез юркому вездеходу. В десяти метрах от них машина незадачливого Раиса резко тормознула.

– Да я что, кунаки, в лепёшку меня расшиби, разве не охотник? Надоела тушёнка. Олешки-то бесхозные, дикие. Так чего мы? – недоумевал Мингатулин, побрякивая кастаньетами, приобретенными по случаю в отпуске на Черноморье. За эти побрякушки ребята в партии в шутку порой его величали: «Не гранд, не опера, зато нашего, холера, колера». Так Раиса представляли чаще всего в дружеских компаниях. И потому Маньчук под соответствующее настроение грозно брякнул:

– Скажи спасибо, что ты не гранд и не опера, а нашего, холера, колера. Ещё раз подобное коленце отломишь, и вылетишь из партии в два счёта! Не шуткуй, хлопче, бо будет бо-бо!

– Да пошли вы все! – взыграл горлом гордец и пулей вылетел из машины.

Вернулся он под утро, весь исцарапанный. Словоохотливый Романыч поведал, что Раиска поцапался в подлеске с рысью, если бы не охотничий нож и кастаньеты, то его им больше не видать. То ли пошутил эдак Романыч, то ли хотел разжалобить ребят и начальника Маньчука, чтобы они не держали на парня зло, но никто у Раиса не допытывался, что и как приключилось с ним ночью. А вечером к горе Чёрной вышел вездеход соседней геолого-поисковой партии, а после нагрянули машины с базы экспедиции с запасными частями к двигателю. Случай с Раисом как-то сам собой в суеде ремонтных дел забылся. Или, быть может, ребята просто не хотели помнить необдуманный выверт своему порой взбалмошному, но честному трудяге, товарищу-собрату их нелёгкой судьбы. Тягач подлатали, а там и Саудей, проходчики горных выработок. Всё это, пока Маньчук разливал по чашкам аппетитный чай, как бы фрагментами из прошлого поднялось из уголков памяти Стражина.

От карты к карте водил Борис давнего знакомого, поясняя, ка-

кие головоломки решают геологи на различных площадях поиска полезных ископаемых.

– Да, Виссар, тебе место в гостинице забито. Иди, отдохни перед дорогой. Вечером шуруй в гараж. Я дам распоряжение Разинцеву, поедешь в его партию. Счастливой дороги, приятель!

* * *

Ноябрь. Холоден и мрачен на Севере этот осенний месяц. Бьёт снежная крупа, выюжит. По одним известным им приметам водители трёх вездеходов держат курс на базу Северо-Хорейской поисково-съёмочной партии. Работы там практически свернулись. Предстояло, оставив охранника и рабочего, захватить на базу экспедиции последних геологов, кое-какой инструмент, геофизическое оборудование и, не медля в дорогу, пока не перемело горную трассу. Вездеходчики спешили, в партии кончались продукты, «села» рация. Там две недели люди оторваны цепью гор от всего мира. Посланные раньше тягачи не смогли пробиться к месту. Дорогу преградил внезапно разыгравшийся буран, отголоски которого докатились и до поселка Хорей. Теперь на выручку двум застрявшим машинам, и ожидающим помощи работникам партии, экспедиция выслала сразу три вездехода. На свою ведущую машину Андрей Разинцев, по просьбе Маньчука, взял Стражина. Виссарион примостился в крытом кузове возле каких-то ящиков, положил голову на кофр, в котором кроме полотенца, запасной рубашки, шаровар, мыла, были блокноты с шариковыми ручками и карандашом, старый фотоаппарат ФЭД. Рядом клевали носом несколько рабочих. В темноте он их не разглядел. Зажмурив глаза, Виссарион отчего-то вернулся в прошлое, к той горе Чёрной, где в прошлый приезд в экспедицию ему довелось с парнями куковать у перевала. Его внезапно охватило такое же, как тогда, в первую ночёвку в вездеходе, чувство непреодолимого одиночества. Словно очутился в каком-то замкнутом круге, из которого нет выхода. Сейчас сердце билось неровно, как-то рвано стучали молоточки в висках. Он уже начал подумывать о том, что непростительно для его накопленного жизненного опыта ребяческое стремление

непрерывно подняться на гору Хорей, именно в ту партию, где теперь ждет оказии Лена. Ему было невыносимо сознавать, что рядом с водителем, облокотившись на железную рубашку двигателя, покрытую старой чёртовой тканью, сидит в меховом комбинезоне тот, кто приходится Лене мужем. До него рукой подать, от этого ему было больнее. Лена. Сколько же лет он носит в себе её образ. Как глубоко она запала в его душу. Его охватило чувство страстной необходимости повидаться с ней, непременно, а там будь, что будет. Он сейчас подспудно жил ожиданием предстоящей встречи, зная наперёд, как разбередит своё сердце, и быть может, её тоже. Стражин предугадывал – это будет последнее свидание с неоперившейся молодостью, с некогда так желанной Леной, и с той чудо птицей на горе Райской, и с кошмарной адской зимней ночью, когда его, полузамерзшего, полуживого притащил в домик метеостанции отец Лены.

2. БАБА ВАРЯ

Тряско в тягаче, не по накатанному зимнику бежит машина, чуть угарно. Укачивает. Смежил Виссарион веки. Да не до сна. Перебирает в памяти прожитое. Мысли, как палая листва на ветру, будто шуршат, никак не уснуть. Все пережитое в Сетарде с новой силой обрушилось на него. Вот он стоит на борту теплохода. И словно кто-то ловко заброшенным волосяным арканом – тынцзяном перехватил Виссариону горло, когда «Омик» плавно отвалил от дебаркадера. Глотнуть бы Стражину вдоволь воздуха, отважиться да махнуть через перила в светло-зеленую волну. Там ему и чёрт не брат: саженками, что есть духу, гнал бы он своё тело к манящему берегу Сеты. Но быстротечны коварные минуты, никак уже поздно. Вот-вот мелькнёт за кормой речной поворот, и сотрётся угорье с взбегающими по нему рублеными из сосняка и лиственницы избами, с неровными заплатками огородов, с негустыми тут пролесками, с редкими деревцами. Тайга намного южнее. Здесь лесотундра. Пропали из глаз последние домики, опоя-

санные сеновалами, поленницами дров. Наконец растворила даль и высокую маковку старинной церкви.

Толкает железное сердце гребные винты, милою за милей оставляет позади себя судно. Носятся над теплоходом и рекой неугомонные чайки, падают вниз, вспарывают клювами гребешки волн, снова взмывают к солнцу. О чём кричат они, что видят? Возвращаются птицы к далёкому берегу, к растаявшему в неопознанным северном просторе Сетарду. Не может за ними последовать Стражин, не в его силах изменить курс «Омика». Да и к чему? Поздно. Разве время повернуть вспять? Решено твердо, он уезжает насовсем. У него будет похожая на прежнюю, но совсем иная жизнь журналиста уже областной газеты. Жизнь, лишённая прелести бывшего мальчишества, порой безрассудных поступков, отмеченных одним наитием, движением души. Тогда, на палубе теплохода, он остро осознал, что с ушедшим в прошлое деревянным провинциальным Сетардом, уже невозвратны годы молодые, золотая пора мужания, превращения птенца во взрослую птицу. Как ныло сердце Стражина. Не паутиной, волосяной петлёй на куропатку, железным капканом держит память пережитое.

Присетинский район. Там, за речными излучинами, остались закадычные друзья, приятели. Сколько тепла в их скромных жилищах, тепла неподкупных душ. Разве забыть Виссариону скитальцев геологов, с кем он не раз коротал время у походных костров, в балках-вагончиках. Здесь до хрипоты спорил Стражин с друзьями о будущей базе строительной индустрии района, читал в подслеповатое хмурое небо стихи Заболоцкого. «Содрогаясь от мук, пробежала над миром зарница...» Хорошо тогда думалось вслух о грядущем. Как все они были до непочтения молоды. Давно поглотила река остатки дневного тепла. Пора бы Стражину спуститься в салон, только мыслями он там, в Сетарде.

На юго-восточной окраине городка плотно вросло в облысевшую сопку неказистое бревенчатое здание редакции районной газеты «Знамя Севера». Собственно, комнаты районки занимают второй этаж – верхотуру. Если корреспонденты встречались в городе, и один из них говорил: «Я иду на верхотуру», так это

означало – его путь лежит в редакцию. На первом этаже типография. Там, на верхотуре, прошла «отвальная», скромная напоследок угощаловка собратьям по перу. Когда журналистская братия разбрелась по домам, он присел за столик с пишущей машинкой «Олимпия». Лучшие годы жизни провела за клавишами выдавшей виды пишмашки баба Варя. Она пришла сюда молодой женщиной, да и состарилась рядом с этой «громыхалкой». Кабинетом бабы Вари была холодная приёмная, в которой ютились еще бухгалтер Зоя Порфирьевна и корректор Зинка, по совместительству вторая машинистка. От них, по правую руку, кабинет редактора, по левую – замреда, заместителя шефа. Двери, ведущие к газетному начальству, всегда плотно закрыты: оно творит, разворачивая на газетных полосах перед коллективом свою тактику и стратегию в борьбе за лучезарное будущее, или вычитывает сигнальный экземпляр очередного номера. Если влезть на высокий чердак здания, то через его окно видны все воплощенные красноречивые идеалы о всеобщем благе. Как на ладони грязный, зачуханный деревянный городок, построенный без царя в голове. Ему трудно, разве рыбой, пушниной и оленеводством можно без дотаций прокормить район, по территории не уступающий нескольким европейским государствам. Он обретёт новое дыхание только в завершающие двадцатый век два десятилетия, когда протянут сюда свои шупальца газовые и нефтяные спруты-гиганты. Без бинокля можно с верхотуры обозревать окрестности города. Вон там большое поле, холмики, заросшие кустарником и хилыми деревцами, где спят вечным сном ещё царские ссыльные, а рядом с ними зеки, не вынесшие непосильного труда, изуверских условий быта, издевательств репрессированные в тридцатых – сороковых годах века двадцатого. В прошлом – это работяги, колхозники, кубанские и донские казаки, белогвардейцы, служащие, учёные, писатели, священники, военачальники, партийные и советские деятели. Словом, все те, кто по разным причинам не вписался в структуру жизни в борьбе за мировое коммунистическое братство. Поодаль теснятся учебные заведения, клуб партпроса-партийного просвещения, улочки деревянных домов с ще-

лястыми тротуарами. С высокого берега Чертухи, притоки Сеты, сбегает гравийка к судоремонтной базе.

Однако вернёмся в приёмную редакции. Сюда несут почту: газеты центральные и соседних районов, объявления, письма дорогих читателей, надеющихся через районку достучаться до дверей непробиваемых кабинетов местных чиновников. Сюда спешат поскорее сдать материалы на машинку корреспонденты, по-тогдашнему литературные сотрудники. Им позарез нужны строчки, а это гонорар, а гонорар – святое дело.

– Да не гомоните, ребятки, – урезонивает литрабов баба Варя. – Всем хочется попасть в номер, знаю. Отстучу в срок, не галдите. Тшшш-шша.

Отсюда, из приёмной, слышно, как в коридоре выясняют отношения ответственный секретарь редакции и негодующий верстальщик – метранпаж. Значит, надо капитально урезать чей-то набранный материал, а то и вовсе заменить его другим, плюс дополна правки в гранках. Кому охота допоздна гнуть спину в типографии! А в приемной, действительно, шумновато, что тут скажешь. Зато и весело. Вот кто-то заливаётся над очередным номером стенгазеты «Тяп-ляп», где что ни строчка, то нарочно не придумаешь. А какого-то должника, не уплатившего профсоюзные взносы, распекает Зоя Порфирьевна. Словом, сутолока. Потому ли что тут двери часто нараспашку, или оттого, что дом, помнящий прабабушек и прадедушек сатардцев, весь щелястый, сквозит в нём хорошо. Сколько в субботники газетчики ни конопатили стены, всё не впрок коню корм. В дюже ветреные зимы сухая штукатурка прогибалась. Но гляньте-ка в приветные погожие дни из окна приёмной: почитай под боком скользит Чертуха, бурливая, норовистая по весне и тихо шепчущая струями летом. В пору травостоя её заливные луга – чистый изумруд. За ними, на не круто крадущемся ввысь взлобке, начинается лес смешанный, с елью, осиной, березой, сосной на взгорьях. Дальше на юг, километров за триста отсюда, шумит крутобокая тайга. Настоящая! Берегись, новичок, не ровен час заплутаешь. А лес что, он матери иногда нежнее, отца роднее. Доброго леса не страшишь: не подве-

дет, не собьет с пути, не нагонит страху. Приходи сюда в любую пору, лучше посередине лета и осенью. Грибов-то косой коси. А ягод — голубики, черники, малины, красной смородины, брусники, морошки, клюквы на болотинах — пропасть, тьма. Правда, каждой ягоде свое времечко. Если ты охотник, ждут тебя озера дальние, где жирует дичь. Просторно. Устал с дороги? Пади на опушке леса в мох — лесную постель. Послушай, как поигрывает листвою ветерок, как в нежно-голубой небесной божьей выси разноголосно поют птицы, как по осени в стаи собираются дикие утки, гуси. Вдохни глубже целебный нектар воздуха, погладь слегка зеленую травинку, подремли, разгони мысли — сумрак, коли они тебя навестили, развей их скорее. Не скрывай горячих слёз, думая о вечной прелести Матушки Природы, о поре нашего расцвета и увядания, о многоликости Жизни.

Люб здешний северный край бабе Варе. Всё тут ей мило, приглядно. По нраву и работа машинистки в редакции газеты. Она первый читатель и критик, добрый советчик и старший друг. Особо нравилось баб Варе печатать очерки, зарисовки о людях.

— Ай, славно-то как, — скажет, бывало, — добротнo как, просто и чисто.

В глазах её ласка мамина, а улыбка словно говорит: «Написал хорошо, а как похвалить лучше и не знаю даже». Доброе белобровое русское лицо, с морщинками — лучами, разбегающимися от припухших век к уголкам маленького рта. Но берегись неудачник, подсунувший под «Олимпию» наспех скроенный газетный материал. Баба Варя потемнеет лицом, отведет в сторону глаза, подергает концы пухового, дивной вязи платка и тихо молвит:

— Никак, устала нынче, пальцы не разогну. Зайди, дорогуша, часа через полтора, а? Сам покуда вычитай своё рукоделие.

Эти «дорогуша» и «рукоделие» повергали строчкогона в трепет. Брёл он, сгорая от стыда, в свою комнатку и корпел над рукописью до чертиков в глазах, до звона в ушах, до сосущей боли в молодом пустом желудке, до самого последнего позднего рабочего часа, готовый стерпеть любую нахлобучку начальства, только не «дорогушу» старой машинистки. Правда, в сво-

их кабинетиках – закутках лихие корры-газетчики потихоньку подшучивали над тем, как, подкашливая, покряхтывая, словно мамка-утка возле выводка, возится баба Варя с их «косолапыми» рукописями. Передразнивали незлобиво, как бочком усаживалась она за «Олимпию», обложенную со всех сторон страничками с едва разборчивыми почерками, как что-то подкручивала в ветхой пишмашке, чистила щеточкой и специальной тряпочкой железное нутро, смазывала его. А как забавно поправляла съехавшие к переносице очки, как переспрашивала, прикладывая к уху ладошку, ведь шумно, неразборчиво написанное слово, которое по её мнению курица-ряба лучше накарябает. Подшучивала, судачила о ней молодежь для красного словца, беззлобно, с оттенком добродушия. Такова натура молодости, ее психология: без юмора, шутки – и жизнь не в радость. Но уж кому молодые газетчики порой перемалывали косточки, так это корректорше Зинке. Ей всего двадцать с хвостиком, а квелая, будто прошлогодний капустный лист. С тяжким сердцем, нехотя плелись к ней ребята печатать материалы, – это когда бабу Варю донельзя загружало газетное начальство. Казалось, шли «на ковёр» к шефу. Но если тот лишь отчитает за ремесленничество, то эта, окаянная, и зевает-то при тебе, и гримасничает, давая понять, дескать, ты нуль без палочки. И невнимательная! Правок после её стукотени иногда несчасть, то знаки препинания пропустит, то абзацы перекрутит. Леня ей за копеечную надбавку корпеть над чужими строчками. Больше всего маяты с ней летом. Надо кому-то немедленно переделать статью, и пытается горемыка перекраивать корреспонденцию прямо у машинки, на ходу, что называется. Завотделом ждет! В номер нужно ставить! Зинка сбрасывает пальцы с клавиш, и ну хныкать:

– Ну, чоо-оо с такой подкладкой лезешь, невежа. Перелицовывай давай в отделе. Мне на твоего зава ровным счётом, чхи. Расселся тут, стул расшатываешь.

Кто поупрямей, тот не шелохнётся, черкает себе ручкой по листу да бубнит ей правленое. А Зинка руки скрестит на груди тще-душной, глаза прикроет. Мать ты родная! Разморило на солнышке. Реснички-коротышки подрагивают под прядью буро-ржавых

волос. Недолголюбил её и Виссарион. К тому же слыла она девонькой крученной, с которой ухо надо держать востро. Впрочем, мало ли какие сплетни народ, липнувший к редакции, распускает. Однако все предложения Зинки сбегать с ней в кино на вечерний сеанс, Стражин вежливо отметал. Лучше он погостит у бабы Вари. С той можно хоть поговорить обо всём на свете. Правда, приятельские отношения у них возникли не сразу. На первых порах доставалось от неё и Виссариону. И ему она говаривала:

– Устала что-то, пальцы отказывают. Что же ты, Василий (его в редакции, кроме редактора и его зама, все так звали), весь промышленный отдел всю неделю скукоту гонит и ты туда: через пару строк цифра на цифре, а к ним фамилии пришпилены. Может, еще посидишь, покумекаешь?

Пристыдит этак старая, а с души, будто камень сброшен. Правда, зачем в газету тащить, что ни попадя. Сгребал парень странички рукописи и отправлялся за кургузый письменный стол. Но что удивительно, никогда баба Варя не величала его «дорогушей». Благоволила она к нему, что ли, хотя ко всем ребятам относилась по-свойски, как-то по-домашнему, точно все они её дети, но каждый своего разумения. Парни принимали эту любовь с почтением, девушки с лукавинкой, чуть снисходительно, как и подобает тонко чувствующим, многое уже, якобы, повидавшим и испытывшим – это в свои-то двадцать с копеечкой, людям. Любили и берегли газетчики свою бабу Варю. Она же в последнее время что-то стала прихварывать. Потому старались поменьше огорчать её, не подсовывать «цифирных» рукописей, не ссориться при ней. Частенько бегали в ближайший магазин за снедью для неё, к зиме помогали в лесхозе раздобыть машину березовых дров, парни кололи их. Жалели бабку по-русски трогательно, нежно, не подавая при этом никакого вида, дескать, так в редакции заведено, и всё тут. Газетчики знали, сколь зло обошлась с ней в молодости судьба. Фашистские бомбы настигли эшелон, в котором её семья эвакуировалась в Сибирь. На глазах Вари повалились в траву сбитыми пшеничными снопами мать с отцом. А в студеную зиму третьего года войны Второй мировой, крепко простудив-

шись на лесоразработках, сучкоруб Варя родила неживого ребенка. Да пропал на фронте без вести её суженый, любезный друг и муж Вася, с которым её сроднила Сибирь. Если по радио, случалось, передавали знаменитую песню «Двадцать второго июня», она просто замирала при словах «Дрогнет состав эшелона, поезд промчится стрелой. Я из вагона – ты мне с перрона грустно помашешь рукой» и смахивала невольно набегавшую слезу. Проклятая война! Конечно, время заглушило в сердце боль страшных потерь, но не вытравило из сознания всего ею горько пережитого, оплаканного. Не сумел ворох календарных листков прожитых послевоенных лет покрыть память непроницаемым покрывалом. Однако настала пора, когда другой человек полюбил Варю. Механик плавбазы, моряк-фронтовик закружил Варвару ухаживанием, обворожил чем-то. Стали они жить – поживать. Родила она, уже в добрых летах, сына Яшу. Боевой, общительный малец. Бывало, входит кто знакомый бабе Варе в приёмную, и если сыночек рядом крутится, она непременно пошутит:

– Знакомьтесь, Трофимов Яков Михайлович, будущий изобретатель лисапеда.

Яков Михайлович величественно окинет вошедшего газетчика снизу доверху бабвариными незабудковыми глазами, мужественно пожмет протянутую ладонь, и пропоёт:

– Тааак-так, пууубиковатися приийшел? Давай, ни настолечко мешать не буду, – и выставит вперёд крохотный мизинчик.

Довольна баба Варя, радёхоньки все, кто в ту минуту находился рядом. Любил покалякать с мальчишкой Виссарион. Баловал его, то сунет незаметно в карман курточки конфетку или шоколадинку, то посмешит мальчика короткой выдумкой-побасенкой. Как-то привязался молодой журналист к семье Трофимовых. Когда Яша перешагнул порог школы, даже помогал уроки делать. Словом, стал Стражин для них своим человеком. Нравилось Виссариону посудачить с бабой Варей о том, о сём утречком, пока редакция пуста и тиха. Разве только веник уборщицы шелестит по половицам, да звякает дужка ведра с водой, где в коридоре шваброй наводится чистота. Баба Варя за своей «Олимпией», чистит

её, ковыряется в железной утробе тонкой длинной отверткой, или читает оставленную кем-то с вечера рукопись.

Утро в районке, а это была объединенная межрайонная газета, – самая развесёлая и вместе с тем напряженная пора. Сбегались сюда с разных концов городка молодые «старики» корреспонденты, и принимались лихорадочно листать блокноты, подтрунивать друг над дружкой, подпускать шпильки-колкости, подзуживать. Однако штат в полном сборе лишь зимой. Весна и лето – пора отпусков и экзаменационных сессий у студентов-заочников высших учебных заведений. Впрочем, и в стылые зимние месяцы нет в редакции то одного, то другого. Район огромный, плюс парочка соседних, не имеющих своей прессы. Потому кто-то из корров в пути, в командировке. Они спешат туда, где в буднях рождается завтра сурового края. Где только не встретишь газетчика: на буровой, на дальней стройке, в чуме оленевода, на рыбацком плашкоуте. Самый надёжный здесь транспорт авиация. Пилоты, «крылатые каюры» доставят хоть на край света, распогодилось бы. Самолеты, верные «Аннушки»-АН-2 и вертолеты всегда наготове. Очнулась после долгой спячки некогда нелюдимая сторона. Отдаёт теперь она в благодарность за свое пробуждение накопленное веками веков добро – нефть, газ, руды. И вот что случилось в редакции в одно погожее весеннее утро. Весна тут становится властительницей хозяйкой в конце мая, когда очистится Сета от ледяных островов-торосов, и на её иссиня – свинцовую гладь опустятся передохнуть первые перелётные утиные стаи. В ту пору северяне прячут на антресоли в прихожей и ещё куда-нибудь в самый темный угол прихожей унты, тёплые сапоги, меховые шубы-душегрейки, зимнее пальто, шапки-ушанки, меховые рукавицы, толстой вязки шарфы. Париться здесь всему этому до первых белых пушистых мух. Как же замечательно: давно переломилась напополам нескончаемая зимняя ночь, уступающая право дню сразу на несколько часов, потом приходит время и место нескончаемому дню, свету, не меркнушему много недель подряд. А тот день выдался на редкость лучистым, жарким для этих чисел июня, который летним только числится, поскольку зябкой

погоды бывает сверх меры. Все журналисты набились в промышленный отдел. Громче всех голос местного Теркина, острослова и балагура Вальки Рантова, фотокорреспондента. У него гладко выбритый череп, неровные, изъеденные бензином зубы – вот первое, что бросалось в глаза. Он всё свободное время пропадает на реке: летом ловит рыбу, гоняет в известные ему места вдоль Сеты за грибами и ягодами; зимой на мотоцикле ездит на подлёдный лов. Его «губительно-гибельная» страсть, как сам громогласно извещает – это гонки на своей допотопной «Эмке» по улочкам Сетарда. Клаксон, древнего всплеска чуда техники, издает невообразимые звуки, пугая стариков и старух. Бабы крестятся, мужики вслед плюются. Кажется, сию минуту рассыплется железный динозаврик начала двадцатого века. Ан нет, рычит себе, да прёт своего владельца по его прихоти. В редакции Вальку отчего-то недолюбливали. Может, не нравилось ребятам, что он готов был любого, кроме начальства, поднять на смех. Сейчас Рантов острит в адрес очередных жертв «Тяп-ляпа».

– Ну, Таньша-маланьша, – подначивал он Таньку Басову, – тебе ноне после сих газетных изысков остаётся впрыгнуть в мою «Антилопу-гну» и сигануть в обнимку с ней с крутояра Сеты.

Таня отмахивается от него, мол, отстань зубоскал. Другие что-то между собой обсуждают, иные уткнулись в телефонную трубку. Словом, идет обычная утренняя раскачка перед оформлением командировочных удостоверений, поездками на разные предприятия и организации для сбора газетного материала. Впереди полный напряжения трудовой день: «выколачивание» по телефону срочной информации в номер, звонки авторов-внештатников и переговоры с разного рода чинами, подготовка и сдача статей в секретариат газеты. И непременно, чтобы написанная тобой корреспонденция давала чёткую и правдивую оценку каким-то событиям, фактам из жизни сразу нескольких районов. Понемногу гомон и суматоха утихли. Один Рантов сыпал веселыми «чэпэшками», припоминал о своих проказах во время прошлогоднего лодочного похода на островок Тихий. Туда редакционная гоп-компания ездила за красной смородиной и грибами. Рантов живо изобразил,

как он высыпал со дна корзины бабы Вари ягоды, пока та умывалась в ручье, а на их место натолкал мох и траву.

– Представляете, братцы-кролики, – заливался он кривоизогнутым смехом, – перебирает это Степановна вечером у кострища дары природы и, по всему виду, довольненька. Потом зырь, а низ корзины пророс травой-муравой да мхом. Вертит головой, ничего не поймёт, куда треть ягод усакала. Умора! Охх-хха-ха! Не могу, умора!

Сдержался Стражин, не накомстылял по шее Рантову. Только прочёл про себя молитву-оберег, как учила родная бабушка Аня. Не стал ввязываться в грубый скандал, а то и драку. Все ж тот старше лет на десять. Вальку он вообще недолго любил. На то у него были причины. Год назад на имя Виссариона в редакцию поступило необычное письмо. Некая Александра сообщала, что читает все его статьи, с упоением. И она, когда Стражин приходит в цех деревообрабатывающего комбината брать у кого-то интервью, от волнения не знает, как ей быть, и убегает, куда глаза глядят. В конце послания девушка приглашала Стражина придти в субботу на свидание в городской парк. В конверте лежало фото. Со снимка открыто глядела милостивая девушка. На обороте надпись: «кого л – ю, тому дарю». И карандашом приписка: «Я буду на пятой скамейке от качелей, возле большой берёзы». Письмецо вывело Виссариона из душевного равновесия. Прямо гром среди ясного неба! Ну, как же! Первое объяснение в любви! Причем, самой девчонки. Это не просто пикантно, это захватывает, манит. Перечитав строки эпистолы, он невольно подметил погрешности стиля, шероховатость изложения, некую навязчивость, свойственную скорее натурам грубоватым, чем тонким. Но в целом послание написано искренне. Это и сбило поначалу с толку молодого газетчика. Сперва, опешив от неожиданности, ему подумалось, а вдруг и вправду в него влюбилась эта девушка. «Чем чёрт не шутит, – размышлял он. – Что я, образина какая! Нормальная внешность. В меня разве нельзя втюриться?!» На самом деле. Разве Виссарион, молодой пышущий здоровьем, порядочный человек, симпатяга, неплохой журналист, в душе эстет, не достоин люб-

ви? Почему бы и нет. Кто из нас в молодости не мечтает о любви возвышенной, чистой, прозрачной, как струи лесного родника. О такой любви, чтобы самый непритворный придорожный цветок, пусть и пыльный, казался самым чудесным в мире, чтобы мираж-мечта обрела горячую плоть и кровь, чтобы любовь была без оглядки. От облика той незнакомки веяло детской непосредственностью, лишь что-то неуловимо печальное читалось во взгляде, полурассеянном, полупристальном. Отчего-то в душу Стражина вкралось сомнение. Интуиция? Может быть. Уж очень профессионально для Сетарда сработан снимок. Такой портрет не по силам любителю, да и городскому фотоателее, не баловавшему горожан качеством фотографий. «Не приложил ли руку Рантов? – внезапная догадка осенила Виссариона. – Нет. Это же по-настоящему подло», – отбросил он эту мысль. Для подобного розыгрыша нужен повод, а Стражин его не давал, не тискал редакционных девчонок по углам, как некоторые. «Неужто письмо подмётное? – маялся Стражин. – Без помощи наших литрабынь Рантов и строчки на бумаге не выдавит из себя. Не дано это ему».

До субботы оставалось два дня. Виссарион извёлся: он то сомневался в искренности объяснений писавшей, то верил каждому слову, то подозревал в проделке Вальку. Стражину простительно подобное завихрение мыслей. За всеми его размышлениями была жажда молодого сердца познать настоящую большую любовь, и, вместе с тем, боязнь её прихода. А вдруг это ошибка! Велика и боязнь грязного вмешательства в его жизнь. Как журналист он всякого наслышался о некоторых «сударушках» и их повадках. Струны его души пока не окрепли, чтобы петь весеннюю песнь любви, им ещё предстояло повременить. Набраться мудрости? Впрочем, мудрость уготована людям старшего возраста. Собравшись с духом, он показал письмо и фото девушки бабе Варе, сказав, что сомневается в подлинности всего этого.

– Ой, каков паршивец! Это точно Саша. Через три дома от меня жила. После восьмилетки поступила в профтехучилище, старики её, люди простые, зарабатывали крохи, не могли дать ей образования. По просьбе её родителей Рантов и сделал фотку, на

память о новой жизни. А тем летом поехала она с парнем кататься на моторной лодке. Видно не судьба: лодка опрокинулась, Саша ушла в волны, а паренёк выплыл. Вот как бывает, а такая была голубушка, – жалостливо закончила баба Варя повествование.

Посидела, повертела письмецо в руках, помолчала. Потом сердито выговорила:

– Какой Валька срамник. Уж годы бегут, скоро облысеет. Разве этак шутят. Чисто нехристь. Видать, в отца пошёл. Тот был в здешнем лагере надзирателем у зеков. Говорят, лютовал. За это люди после отсидки сполна ему выдали, хоть жив остался. А эту писульку Рантову помогли состряпать наши дивы. У, вертихвостки!

Тогда чудом ушёл Валька от взбучки: выпала ему срочная командировка на пески к рыбакам, делать фоторепортаж о будущем орденоносце. Убрался из города подальше от оплеухи, что готовил ему Виссарион, и от городского субботника. Весь Сетард вышел в порт помочь речникам разгрузить баржи с картошкой, капустой, морковью, луком, с продуктами разными. Зимовка долгая, а кушать всем охота. Всё это, и прошлогоднюю поездку на остров Тихий внезапно как-то остро, по-новому пережил, перечувствовал Стражин. Не мил показался ему тёплый денек. А Рантов продолжал смеяться, шутить злобно над бабой Варей.

– Хам ты, Валька! – бросил ему в лицо Стражин, ощущая, как дубеет на скулах кожа. – Обидел старуху и радости полные штаны! Но супец её на природе чавкал, нахваливал.

Ребята притихли, потом отовсюду понеслось:

– Зубоскал несчастный! Филон! Фотощелкопёр!

– Тоже мне, старуха, – бурчал Рантов, пятясь к дверям, не ожидал, видать, получить такого дружного отпора, – ей полста едва стукнуло.

Кто знает, чем бы закончилась перепалка, да затрезвонил телефон, а в кабинет вплыла Зоя Порфирьевна. Осмотрелась, склонив по-птичьи голову на плечо, еле слышно прошептала:

– Ребята, вы знаете, что наша Варвара Степановна лечилась в Сочи?

Что за вопрос. К тому же недавно вся редакция читала открытку баб Варину, что её не берет никакая лихоманка, она быстро адаптировалась, ест свеженькие огурчики, помидорчики, цитрусовые, дышит целебным морским воздухом. Словом, молодеет душой и телом. Рантов, конечно, не преминул вставить:

– Х-ха, мы, Порфирьевна, полагали от вас услышать нечто более изысканное. Готов- де гонорар и пора ставить на стол самовар.

Никто не поддержал его шутки. Что-то такое неладное было написано на лице бухгалтерши, неумолимой в пополнении кассы взаимопомощи, вечно воинственной и беспощадной во взимании налогов, особенно на холостяков, в те годы именно так советская власть их допекала: нечего увиливать от ЗАГСа, плати! В сей раз она не казалась угрожающе-неприступной. Посреди комнаты стояла просто осиротевшая женщина, пожилая Зоя Порфирьевна. Страшная догадка, срывающая дыхание, леденящая кровь, пронзила газетчиков. Резкая саднящая боль перехлестнула грудь Виссариона, спазма стиснула горло. Почему-то заныли обмороженные в нынешнюю зиму пальцы на руках. И раздался голос Зои Порфирьевны, неузнаваемый и тихий, как шелест осенней листвы, опадающей на прихваченную первым заморозком землю.

– Она умерла. От рака.

– Нет-нет-нет! – бился по комнате звонкий, молодой и несчастный голос Таньки Басовой.

Только не было уже с ними любимой и обожаемой бабы Вари.

– Как же это? А врачи, хирурги что?! Как теперь Яша?

Яша, Яшка, милый мальчиш. Похороны близких – тяжкий камень. Разве для глаз мальчишки скорбная процедура предания родного человеческого тела земле? Яшу отговаривали, не пускали было на погост, но он не по годам серьезно сказал:

– Всё равно поеду. Ведь это моя мамочка.

Милый мальчишка, он ещё не осознал в полной мере всю горечь утраты. Дорогой у гроба матери он будет всхлипывать, звать её домой. Когда начнут засыпать яму землей, страшно закричит, царапая комья сырой земли. Осиротел Яша, осиротели газетчики. А с фотографии, ввинченной в памятник, неотрывно смотрела

на белый свет, не мигая, ещё молодая тридцатилетняя женщина с первыми морщинками у губ небольшого рта. Не любила фотографироваться баба Варя, так и осталась навечно молодой.

Второй раз в жизни плакал Виссарион столь безутешно, горько, не стыдясь никого. Великое горе постигло его накануне защиты дипломной работы. В тот день он поздно вернулся из библиотеки, проклиная стылый, ветреный февраль. В общежитии, как всегда, шумно. Включил электрочайник. Непривычно робкий стук в комнату. Виссариона обступили студенты-однокашники, староста группы Аня протянула ему телеграмму. От нестерпимой боли зашло сердце, от коротких разящих слов померк в глазах свет: «УМЕР ПАПА ПОХОРОНЫ 12 МАМА».

В поезде Стражин долго крепился, сдерживая слёзы. Ночью не выдержал, плакал безутешно, уткнувшись лицом в подушку. Проснулся сосед, узнав, в чём дело, откупорил бутылку красного вина. Горькие слёзы мешались с терпким вином, а поезд мчал и мчал на юг. Раненым птенцом билась мысль: «Умер папа. Папка умер. Милая мама, как теперь ты?» Казалось, всё рухнуло, на кого теперь опереться, с кем поделиться сокровенными мыслями? Как жить?

По бульварам приморского города носился тёплый ветер, слизывая остатки снега. А в гостиной родного дома лежал в домовине в выходном синем костюме, осыпанный цветами, отец. Потом плыл впереди толпы и над ней гроб, а солнце неистовствовало. Протяжно и печально трубили тепловозы, провожая в последний путь старого машиниста. У кладбища набежали тучи, выплеснули на памятники и кресты пригоршни дождя. И опять небо – акварин. Мать Виссариона всё всхлипывала и жалостно причитала:

– Петечка, Петя! Голубь мой! Чому ж твое серденько не стучит? Чому спокинув нас, сокол мой?!

Трое суток не билось сердце старого машиниста паровоза, в прошлом круглого сироту, детдомовца, невинно репрессированного, отбывавшего срок заключения в тех местах, где начал трудовой путь его сын, журналист.

3. НА ГОРЕ РАЙСКОЙ

Бежит себе вездеход наперекор метели, начавшемуся бурану. А Стражин, поудобнее подминая головой кофр, во власти прошлых лет. Вспоминает бабу Варю. Благодаря ей постучалось в сердце имя Лена. Случилось это в августе, за год до того, как он покинул Сетард. Как-то баб Варь позвала его во дворе редакции:

– Васята, Виссар, погоди, куда разбежался? На судорембазу, говоришь. Успеется. У меня под «Олимпией» целый ворох материалов. Слушай. Завтра мой Михаил собирается с друзьями махнуть на гору Райскую. Мне бы, конечно, лучше сидеть на печи, грызть калачи, а он заладил: поедem да поедem, там есть один несложный подъем, по тросу наверх. Как не согласиться? Живу у гор, а в горах не бывала. Интересно ведь там. А в группе идут опытные альпинисты. Как ты смотришь? Вольешься в наш коллектив?

– Завлекаете, Варвара Степановна. Я ещё ни на одну вершину не поднимался.

– Срочно записывайся в туристы. В пятницу утром выезжаем. С шефом я сама договорюсь, там действует метеостанция, командировку тебе оформим. Вечером в воскресенье будем дома. А то живем у гор, а с чем их едят не знаем.

– Лады, я уговорился. Что захватить с собой?

– Значит, так: обязательно одень телогрейку, из обуви-высокие резиновые сапоги. Еды немного: колбасы копченной, консервы, хлеб непременно, его метеорологам на вершину редко доставляют, только вертолетом с разным грузом. Что-нибудь из фруктов, побаловать хозяев Райской. Все сбросимся, и будет чем угостить хозяев. Я испеку чего-нибудь вкусенького. Словом, завтра утречком ждём тебя на пристани. Надо успеть на первый речной трамвайчик. Приплывём в Лиственничный как раз к поезду. И через пару часов мы и на месте, – Степановна подмигнула ему, дескать, где наша не пропадала.

Эта поездка, пусть и короткая, оставила в душе Виссариона неизгладимый, многие годы волновавший след. Приехав домой,

распрямив ноющие после горного маршрута ноги, расправив плечи, не отягощенные рюкзаком, вдыхал он запах пройденных троп по-новому, как некогда вбирал в себя на родине запах усталого вечернего моря. Или как аромат самой прелестной розы. Её несколько мгновений назад казалось невозможно сорвать. Но вот она в руках. Трепещущая, упругая, сказочно нежная, и кажется нескончаемым это очарование.

Ломаные очертания отрогов Большого Камня росли на глазах. Их маленькая экспедиция из пяти человек сошла с поезда на крохотном разъезде. Шлейф паровозного дыма прочертил путь удаляющегося состава. За поворотом дороги пропали вагоны, вдали умолк перестук колес. А впереди, сразу за насыпью железнодорожного полотна, бойко расправили зелёные плечи неприхотливые кустарники тальника и ивняка, кое-где поднимались карликовые березки. Дыхание приближающейся осени мазок за мазком меняло облик тундры. Уже в буйной зеленой шевелюре листвы вовсю прозрел желтый цвет увядания и лилово-бурый. Недавно прошедший дождь напоил обмелевшую за лето речушку Воть, где-то севернее впадающую в Сету. Далеко позади будка путевого обходчика: хозяин указал им ближайшую тропу к реке, шумевшей на перекатах. Путешественники быстро приближались к Воти. Они лишь замешкались у прибрежных зарослей густого кустарника, чьи ветви замысловато переплелись, преграждая путь. В ход пошел легкий туристический топорик. Вот и прозрачные струи горной речки. Перекликались птицы, правда, не так напористо и звонко, как это бывает летом. Меж тем с дальних озёр поднимались ввысь косяки гусей, проплыл лебединый клин. Они, видать, готовились к дальнему перелету, или уже прощались с Севером. Над этим маленьким и дорогим человеку миром возвышались упрямо взметнувшиеся скалы и хребты Большого Камня.

Надувная лодка в два захода перенесла наших друзей с одного берега на другой. Торил дорогу Женька Петров, мастер районного узла связи. Опытный турист, альпинист он прежде не один сезон отмахал в маршрутах с геологами по тайге и тундре. Однако Евгений безоговорочно признавал за старшего радиоинженера Игоря Хрипко, который покориł не одну горную вершину в Азии.

– В сравнении с Тянь-Шанем наш древний Камень – игрушка, – утверждал Петров, удобнее взваливая на плечи увесистый вещмешок.

Позади кустарник, до подошвы горы, кажется, подать рукой. Однако, чем ближе Райская, тем труднее идти: крупнее камни, попадаются валуны, всё реже островки изжелта-зелёного мха, приятно пружинящего под сапогами. Где-то внизу осталась одинокая приземистая тут листовница, пропала и корявая берёзка-кроха. Кругом крупный щебень, камни. Наконец, глаз из этого однообразия выхватывает моховую полянку. Она, как дар судьбы. Здесь привал перед подъёмом.

– Ах, благодать, никак мягче королевской постели, – шутит баба Варя, опускаясь на поляну.

– Да уж, – подхватывает радиоинженер Игорь Хрипко, – ложе, что надо, на таком возлежать бы царским особам.

– Только вольная птица залетает сюда, – торжественно начал было Михаил Трофимов. Степановна обрывает его:

– Не говори красиво, Миша. Лучше рюкзак подгони, а то замаешься.

Минуты покоя, сказочной тишины. Хорошо. Будто они искупались в живой воде. Бодрит горячий кофе из термоса. Ласковый ветерок нежит лицо. «Спать, – шепчет себе Виссарион. – Надо чуток вздремнуть». Ан нет, громкая команда Игоря Хрипко поднимает маленький лагерь на ноги.

– Подъем! Отдыхать будем там, – и тычет пальцем в небо. – Не расслабляться! Теперь порядок восхождения: Михаил, Варвара Степановна и Виссарион отсюда возьмут влево, вон за тот валун. Оттуда прямая тропа, на вершину проложен канат. Дойдёте нормально. Я с Женей пойду вверх по ущелью. Там я ни разу не поднимался. Идет?

– Да идёт-идёт, не едет, – весело перебила его Степановна. И первой ступила на «тропу подвига», как потом она хвалилась.

Виссариону страсть как охота пойти с Хрипко и Петровым. Он помалкивает, знает, что новичку опытные альпинисты не откроют дорогу в ущелье. Выждав момент, сделал вид, будто поправляет

носки в сапоге, а сам отстал от Трофимовых и повернул вслед за опытными скалолазами.

– Ээй! Куда ты, Виссарион-Василек?! – шумнула было ему вдогонку баба Варя. – Куда?!

Стражин в ответ махнул рукой, давая понять, что пойдет ущельем. Прибавив ходу, догнал друзей. Те для вида поворчали, потом Евгений протянул Виссариону жесткую ладонь и радостно бросил:

– Молодец! Так и надо. Там настоящему туристу делать нечего, пусть старики по канату поднимаются. Ничего, пошли вверх. Нам не на скалы крутые подниматься. Мы и снаряжения не взяли, ни к чему. Дойдешь, осилишь. Ты парень крепкий и не робкого десятка.

У каждого из них деревянные посошки, с ними легче брать гору. С камня на камень, с валуна на валун, или вокруг них, как уж придётся. Сто метров в гору, двести, триста. Капли надоедливового пота сбегаяют по разгоряченным лицам, взмокли рубахи, чуть парят брюки. Сорвал бы Стражин с плеч распахнутую телогрейку, да засунуть некуда, полон рюкзак. В нём обернутые в новые байковые портянки два полосатых арбуза и яблоки в мешочке, сложенные в боковом кармане. Этот груз он забрал на привале у Трофимовых, а Степановне передал свой, легкий. Фф – фу! Жарко парням, будто вышли из парилки. Снизу ущелье безобидно, и ложбина, по которой поднимались к облакам, достаточно широка. Настораживали только древние морщинистые скалы, нередко нависающие над ними. А шли поначалу неосторожно, громко перекликались. Когда преодолели половину пути, Хрипка пальнул из двустволки. Вмиг ожила противоположная сторона склона, ухнули вниз камни. Они дробно стучали по шербастому утёсу, что прикрывал путешественников. Гул камнепада стих.

– Так-то лучше, теперь по макушке никакой каменюга не шлёпнет, – мрачно выдавил Хрипка. – Всем двигаться осторожнее, стенка древняя.

Подъем круче, ощутимее земное притяжение. Рюкзак неумолимо натирает плечи, пот застит Виссариону глаза. Горят подош-

вы ног. Ему кажется, больше он не ступит ни шагу. Однако ноги упрямо несут выше и выше. Наступает минута, когда надо уговаривать себя: «Ещё один шагжок, ещё один метр. Ещё чуть-чуть. Скоро привал». И когда крохотные колокольчики начали вызванивать в ушах и висках, Петров выдавил из себя:

– Хорош, братцы. Перекур.

Уф! Ноги Стражина противно подрагивают, подгибаются. Мелко-мелко дрожат пальцы рук, сигарета никак не попадает в рот. Из коробок высыпаются спички. Коробок выскальзывает из непослушных пальцев, скатывается вниз, не дотянуться. С проклятием поднимается Виссарион, опираясь на посох. Неловкий шагжок по зыбким камням, правая нога подворачивается. Охнув, парень валится на бок. Полежал с зажмуренными от боли глазами, присел, снял сапог, размял руками больное место. Прошептал «Отче наш». Пошевелил ступнёй. Ничего страшного, порядок. Смахнув со лба холодный пот, огляделся.

– Что там у тебя? – встревожился Хрипко.

– Пустяки, всё в норме. – И внимательно взгляделся в рябые каменные волны, где-то поблизости коробок спичек. Внезапно в глаза ударил солнечный зайчик. Невероятно! Легче в стоге сена найти иголку, чем в горах зажигалку. Согретая в руках вещь была такой же теплой, как человеческая ладонь. Виссарион точно с кем-то неведомым обменялся рукопожатием. Отсюда, у подступа к вершине, до которой сотня метров, взору открывался широкий простор. Горизонт как бы раздвигался, а рассыпанные у подножия валуны казались мелкой галькой. Друзья уселись в кружок. Передают из рук в руки пластмассовый стаканчик с горячим кофе из термоса, а заодно и найденную Стражиным зажигалку. Её крутят и так и эдак, словно заморскую диковинку. Передохнув, Виссарион осторожно вынимает из рюкзака арбузы и слегка помявшиеся яблоки. Осматривает богатство: слава богу, арбузы целы. Щелкает по их полосатым, пузатым бокам ногтем, в ответ легкий гулкий звук. Хороши. Впиться бы зубами в их ароматную прохладную сердцевину. Но удел другой, украдкой вздохнуть, подарки предназначены метеорологам с Райской. Упрятаны бесцен-

ные тут гулкие полосатые шары в рюкзак. Пора в путь. Хрипко берёт рюкзак у Стражина, тот раздосадован, порывается его забрать.

– Не спорь, Виссарион, – отстраняет его Хрипко. – Так трэба. Последняя сотка, друг, орешек очень крепкий. Держи мою двустволку. Она не заряжена. На вершине я тебе верну рюкзак.

Чем ближе вершина, тем коварнее гора. То и дело срываются вниз камни, неосторожно сдвинутые ногой или посохом. Туристы медленно карабкаются по каменной стене. Впереди открывается удобная площадка. Перед ней полоса осыпи. Это последнее препятствие. Первым взбирается на выступ Хрипко, за ним Стражин. Замыкающий группу Петров замешкался, поскользнулся, поплыл по осыпи вниз. Стражин мгновенно сорвал с плеча ружье и протянул ложе Женьке. Игорь сбоку подстраховывает журналиста и, подтягивая к выступу Петрова, шутит:

– Ловись, рыбка большая и вот разэтакая.

Лишь только Евгений взобрался на площадку, как справа, легко, точно затычка из разохшейся бочки, от уступа скалы с треском вывалился здоровенный обломыш, и, набирая скорость, закувыркался вниз. Зашуршала, заскрежетала лавина. Затенькали, заухали на разные голоса, сшибаясь, камни.

– О цэ мощь, – невозмутимо констатирует Хрипко. – А ты, Женька, везуч, як тий карась, що шуку обманув. Ще б хвылына, и быть бы тебе на спине лавины.

Пока Игорь и Евгений незлобиво переругиваются, Виссарион осторожно продвигается в щели, ведущей прямо с каменного выступа в небо – к солнцу, к вершине. Он сантиметр за сантиметром продвигается вперёд, ползёт по морщинистой лобастой скале. Как хочется ему первому ступить на Райскую. Последний рывок всем телом. Встал на ноги. Высота. ВЫСОТА. Дух перехватило. Под ним распростерлись в неведомую даль цепи горных хребтов. Стаями лебедей тянулись прозрачные облака. Непередаваемо чувство слияния с миром, ощущения его гармонии. В какое-то мгновение он почувствовал себя орлом, будто и вправду некогда был им. Такая сила влилась в мышцы! Взмахни ими, и

покоришь голубую высь. Прекрасно. И сказочно красиво. А сердцу чуть больно: ему трудно сознавать, что его ход – всего лишь миг Вечности. Зато горы – те вечны, или почти вечны. Но жизнь всё равно волшебство, она чарующе великолепна, невзирая ни на что, ни на какие невзгоды.

– ПО – БЕ – ДА ! Здорово, ГОРЫ! Это я, ГОРЫ! – рвётся в высокое чистое небо восторг Виссариона Стражина.

В сборно-щитовом доме метеорологов тепло. Витает в воздухе духовитый пар из кастрюли с борщом, шипит на сковороде жареная картошка.

– Добро пожаловать к столу, как раз к ужину успели, – встречает гостей хозяйка горы техник-метеоролог Зинаида Ивановна Поджидаева.

Пока туристы рассаживаются за столом, она счастливо причитает, принимая из рук Варвары Степановны арбузы, яблоки, огурцы, белый и чёрный хлеб, балык осетрины, домашнее печенье, колбасу.

– Ай да подарок, ай да славный! – Её изумлению нет предела. – Да как вы это такое чудо, – она вертит в руках то один арбуз, то другой, – на гору подняли! Два года скоро без отпуска, вот сколь арбуз не пробовали.

Легким движением ножа срезает хозяйка зеленую шляпку с сухим скрученным хвостиком. Всем почудилось, будто повеяло терпкой горячей землей бахчей. От яблок, высыпанных на стол, поднимался стойкий аромат цветущего сада. Блаженная истома охватила путешественников. Не хотелось ни о чем думать. Только так бы сидеть, расслабив мышцы, ощущая, как унимается в ногах гул и тухнет жар натёртых ступней. Но вот стол заставлен блюдами. Ложки дружно опускаются в тарелки с борщом.

– Не посетуйте, – молвит хозяйка, – борщ в основном из концентратов. Разве вот картошка живая, свежая. Спасибо вертолётчикам.

Все едят, нахваливая. Всё кажется необыкновенно вкусным. Алексей Игнатьевич, глава семьи, подмигивает дочери. Лена поднимается и скрывается в соседней комнате. Вскоре возвращается с большой миской, доверху наполненной ягодами.

– Отведайте, гости дорогие, фирменное блюдо горы Райской, – шутит хозяин. – Быть может, вам и приглянется засахаренная в собственном соку морошка.

Путешественники в восторге. Ягода тает во рту. Поджидаев включает телевизор. Смолкают шутки-прибаутки. На экране музыкальная программа. Изображение устойчивое, превосходный звук. Вот что значит вершина, никаких помех. Внезапно Лена срывается с места и торопливо произносит:

– Ох, извините, пожалуйста, мне пора выходить на связь. Время подходит.

Поджидаев встал, опустил руки на плечи дочки и усадил за стол.

– Отдохни, побудь с гостями. Я передам метеосводку.

Лена за столом по правую руку от Виссариона. Он незаметно наблюдает за девушкой. Вот она поправляет волну иссиня-черных волос, перекрещивает руки с хрупкими нежными пальцами на груди, обтянутой вязаной, вишнёвого цвета, кофточкой. На родителей она, вроде бы, и не похожа: те темно-русые, сероглазые, роста выше среднего. Девочка роста невысокого. У неё правильные черты лица, глаза будто антрацит, чёрные. Магнитом притягивают. Словом, решил Стражин – это настоящая фея горы Райской. Меж тем закончилась телепередача, хозяева укладывают гостей спать. Усталость смежает веки, да не идёт к Виссариону сон. Мысли перескакивают с одного на другое. То думает о маме, которой непременно напишет о своём путешествии, то припоминает недавние стычки с ответственным секретарем газеты, то встаёт образ новой знакомой Лены, то «прокручивает» рассказ Зинаиды Ивановны о житье-бытье на Райской.

– Скоро два года мы на Райской, – отвечала на расспросы хозяйка дома. – До этого жили в Новохоломске. Работали с мужем в управлении гидрометеослужбы. Мы знали, что кадры тут не держатся. Скука точила молодежь, не помогал и телевизор. Кого в управлении ни уговаривали, все отказывались сюда лететь. А сведения со станции просто бесценны. В конце – концов, начальство обратилось к нам. В ту пору Ленка школу заканчивала. Старшая

дочь Светлана замужем. На семейном совете решили втроем махнуть на Райскую. Ленка согласилась сразу. Вначале лиха хлебнули, – призадумалась Зинаида Ивановна, вздохнула, видно, нечто вспомнив из той поры.

Помолчала, и продолжила:

– Ничего, со временем пообвыкли. Работаем все техниками-метеорологами. Лена усиленно штудировает учебники, нынче будет поступать в институт, хочет учиться очно.

– Славная у тебя девочка, – поддержала разговор Степановна. И тоже, вздохнув, сказала: – А у меня школьник, в четвёртый класс ходит, Яшей величать. Забавный мальчонка. Вон и Вася подтвердит. Верно?

– Еще, какой забавный. Прелесть паренёк.

– Проказник ты, Васята. Лыстишь. А вообще нашего Васю звать Виссарион, – обращается баба Варя к хозяевам. – Толковый журналист. Ему бы цены не было, да с ленцой.

Стражин залился краской, вытер носовым платком пот. Степановна, видя, как неловко стало Виссариону, перевела разговор на другую тему:

– Да, Зина, вы тут неплохо устроились, уютно, чисто, тепло. Но честно сказать, не знаю, смогла бы сама жить среди гор. На миру и смерть красна. Сдюжить без общества, друзей – трудно же.

– Что возразить на это, – вступил в беседу вошедший в комнату Алексей Игнатьевич. – Когда прилетели сюда принимать станцию, так от вида одного домика можно было впасть в уныние. Старый, щелястый, пока натопишь печь, спина взмокнет. Ничего, летом подбросили на вертолете досок, толь, кой-какой стройматериал. Подновили мы втроём наше общежитие. Теперь хоть куда, живи – не хочу.

Чему-то улыбнулся, продолжил:

– Скучать некогда, у нас работухи вволю. Отдохнув после смены, изучаю окрестности станции. Знаю, где и какое зверье и дичь водятся. На учёте все морошковые болотца. Хандрить нельзя, иначе закиснешь, как ребята до нас. Так и живём, не каемся. Сводки с нашей метеостанции нужны управлению позарез.

Прав Поджидаев, незаменим их труд. Не зря каждые три часа вызывают их станцию на связь. Зашифрованные колонки цифр сообщают синоптикам о видимости, облачности, температуре наружного воздуха. Составляются таблицы наблюдения продолжительности солнечного сияния, о чем говорит лента гелиографа. На метеоплощадке ведётся наблюдение за обледенением проводов, и ещё много чего полезного для себя узнают с этой вершины синоптики. Виссарион представил, каково здесь глубокой зимой, когда шквальный ветер вырывает дверь домика из маленьких нежных рук Лены, швыряя в лицо колющие снежные иглы. Тогда, лишь держась за протянутый трос, можно добраться до метеоплощадки. Они, Поджидаевы, решил Стражин, должны обладать большой силой воли, смелостью, они наедине с немилостивой тут к людям Природой. Иначе разве перенести одиночество среди бесконечной цепи холодных, ледящих душу гор. Засыпая, Виссарион с улыбкой вспомнил, как баба Варя дарила Лене свои махонькие золотые сережки-сердечки. Как засмущалась девушка. Потом словно провалился в бездну. *Под утро привиделся сон.* Будто остутился он у самой вершины и несёт его по осыпи в пропасть. А на одном из каменных выступов расселся Рантов и, ехидно посмеиваясь, приговаривает: «Туда тебе и дорога. Ишь, ты, втюрился – влюбился. В камнепад тебя! В камнепад!» Хочет Виссарион вырваться из плена каменной осыпи, да сил нет. Еще мгновение – и пропасть. И он во всю глотку кричит: «Лена! Лена!» Открывает глаза, а перед ним и впрямь Лена, поправляет съехавшее с его плеч одеяло.

– Вы звали, Вася?

– Да, во сне. А как вы услышали? – спрашивает спросонья, ничего толком не соображая. – Меня Васей баба Варя зовёт, но и вам можно.

– Не знаю как, обычно, услышала и всё. Спите, ещё рано. Моё дежурство по смене.

– Спасибо, уже выпался. А к вам в дежурку можно?

– Ладно, – шепнула Лена, – но, чур, без спросу ничего не трогать.

Устраиваясь в комнате на табуретке, Стражин поинтересовался:

– Не одиноко тут, Лена? Расскажите о себе.

– Да уже привыкла. Работаю, пишу девчонкам письма, готовлюсь на будущий год поступать в институт. Хлопоты разные по хозяйству. Самая большая радость для нас, когда прилетает вертолет с грузом, или, если забредут летом геологи, иногда туристы. Но это так редко! Летом в горных распадах собираю ягоды, даже грибы попадаются. Ставлю зимой капканы на песцов. Ничего, живём.

– Вы храбрая девушка.

– Ну, уж! Таких метеостанций в стране не счесть. Хотя, естественно, живя тут, мы во многом себе отказываем. Цивилизация касается нас краем крыла, не более. И говорите мне «ты».

– Договорились, и вы мне тоже. Вижу томик Блока.

– Из дома взяла. Впрочем, здесь есть небольшая библиотека. Все, кто тут некогда жил, пополняли её. С ней я быстро расправилась. Не поверишь, дни мчат как угорелые, раз – и нет недели, нет и месяца. Знаешь, – она тихо рассмеялась, и тут же исчезли ночные тени под глазами, – у нас лишь кот Ефим бездельник. Нынче сюда биологи специально мышей завезли, так не успели их толком расселить по парам, как кот всех пожрал. Доволен был. Сейчас опять без дела. Лемминги отсюда далеко. Вечером Ефим смотрит вместе с нами телевизор, а днём бессовестно дрыхнет, или вертится под ногами на кухне. Так вот и проживаем на Райской.

Замечательная девчонка, размышлял Виссарион. Этакую фею черноглазую встретить на вершине горы! О, она, наверное, сумеет постоять за себя. И женой кому-то будет верной, не иначе. Не избалована. Вот бы мне такую! Сердце его сладостно защемило. «У, дундук влюбчивый, – упрекнул себя. – Больно ты ей нужен». Хотел он того или нет, да Лена с каждой минутой овладевала его мыслями. Ему казалось, что лучше этой девушки он не встретит. Быть может, знакомство с ней – это судьба!

– Ой, Вася, – прервала его размышления Лена, – зачем с вами в горы пошла Варвара Степановна? Лица на ней нет. Свернулась в

калачик, постанывает, как дитя. Не молоденькая ведь, эх её. А она мне сразу понравилась. Будто вся из доброты соткана. Она словно колодец добра не вычерпанного.

– Так и есть. Все в редакции её любят и зовут бабой Варей.

– Ты, правда, журналист? А другие кто?

– Сейчас турист. Хотя в кармане есть командировочное удостоверение, думаю о вашей семье написать. Баба Варя – машинистка, каких поискать. Её муж Михаил – мастер. Игорь и Женя связисты. Они здесь по делу.

– Интригуешь. Рассказывай, не то рассержусь.

– Не надуй, Федора, щёки! – расхохотался Виссарион. – Ладно, слушай, тетя Лена.

– Это я – тетя Лена! Вот натравлю Ефима, он тебя поцарапает, быстро в чувство приведёт. Или Вьюгу науськаю.

– Сдаюсь. Дело вот в чем. Нашему и соседним районам мешают устойчиво принимать телепередачи эти ваши горы. Большое начальство в области крепко задумалось: строить свой телецентр, или установить несколько ретрансляторов. Один из них на горе Райской. Связисты сделают предварительные расчеты. Как новость?

– Впечатляет. Но коли ретранслятор, то будет и обслуга. Как бы не осели тут надолго мои старики. А мне век куковать на горе не с руки. Молодая больно, ничего ещё толком не видела. Мир охота поглядеть. Я обыкновенная девчонка, мечтаю получить высшее образование. Ну, и какая девушка не думает о семье? Разве вредно об этом мечтать? Я уже соображаю, например, в том, какие предельные возможности может испытать человек, живя среди гор. А это уже немало, это определенный жизненный опыт. Не так ли?

– С этим не поспоришь. Да, Лена, прости ради Христа за некорректный вопрос. А папа тебе родной? Не вижу никаких между вами близких черт. Впрочем, можешь не отвечать. Извини.

Девушка смутилась, её щеки зарделись. Она встала, накинула на плечи тёплый платок. Села на табуретку. Полистала томик Блока.

– Дотошный вы народ, журналисты. В нашей семье не приня-

то говорить о том, что тебя интересует. Но так и быть, времени до конца смены предостаточно. Слушай.

4. МАТЬ КАЙГУСЕЙ

Свою землю они в старину называли Кайгусьнам – Мать кайгусей, хозяйка и мать промысловых животных. Для них Кайгусьнам была матерью всего сущего на белом свете.

* * *

Там, в их чумах, затерянных в бескрайних просторах Севера, древние старики и старухи просили Еся и его небесных людей, чтобы быстрее пришла Хылес – хозяйка юга. И всё чаще и чаще окутывали стойбище туманы и долгожданный южный ветер дул со стороны Томам, где, говорят, вечное тепло и ясное небо. Чем лазурней была утренняя заря, тем всё шире улыбки на обветренных лицах сородичей Лены, тем меньше тревоги в сердцах людей. Хотя совсем немного осталось в земляных морозильниках мяса оленей, рыбы, зато недолго ждать, когда водяной кайгусь, хозяин рыб пошлет стада своих подданных в таёжные и тундровые реки. О, с каким ужасом и любопытством подсматривала Лена за тем, как её бабушка клала поклоны у священных лиственниц Солнцу и Месяцу, Утренней заре и Вечерней, умоляя оставить в живых род её. Ослабли в ту зиму все люди их стойбища. Совсем стал плох отец Лены. Никудышный охотник, плохой рыбак, умеющий разве что из дерева строгать алэлов – домашних божков-охранителей или разные замысловатые фигурки. Он был ещё ко всему боязливым человеком. Всплеску волны, крику чайки, удару грома, скрипу дряхлеющего дерева – всем этим и другим звукам её старый отец находил самые невероятные объяснения. Сородичи считали его чудачком, несчастливцем, потому что он был из той редкой породы людей, которая слышала, понимала язык деревьев. А потому никакие силы не могли заставить принести подношение домашнему очагу – срубить лиственницу, сосну или ель. Заготовкой то-

плива занимались другие члены семьи. Отца Лены звали Биссым, значит, запад. Его покровителем был бог Кровавого неба. Старик Биссым родился в ночь того года, когда ползучий огонь-пожар подкрался к самому стойбищу и начал поедом есть и собак, и чумы, и людей. Пока мать Биссыма ворочалась в страшных муках, родичи бежали, сломя голову, подальше от разъярившейся стихии. А когда крик Биссыма рванулся из чума, небо оплакало горящую землю, неистовым дождём задушило бушующее пламя. И был Биссым по жизни неудачником. Даже жена досталась непутёвая. Мать Лены-ненка с далекого Таймыра. И каждую весну, когда расцветала суровая земля, она мрачнела и плакала, рвала в клочья тёмные волосы, просила отвезти к матери на родину. Она была, как дурно прирученная волчица, которая, как ни старайся прикармливать, всё одно в лес глядит. Мать Лены так бы и жила у студёного моря, если бы случай не свел её с Биссымом. Тот, устроившись каюром и проводником в экспедицию русичей, оказался вместе с изыскателями за сотни верст от родного стойбища. И нашел на Таймыре среди приморских красавиц свою суженую. Та мечтала увидеть другие земли. С годами он считал жену дурней волчицы. Что она им помыкает! Лесотундра здешняя ей, видите ли, не по нутру! С другой стороны, размышлял расхворавшийся Биссым, в самом деле, чего хорошего она нашла в бедной тундре, навеки – вечные отдавшей ветру с Великого Студеного Моря и холоду. Так думал и сейчас, ослабевший от голодухи и всяких напастей, задыхающийся от кашля Биссым, брюзжа на жену. А старая его мать, меж тем, просила у великого бога Еся и у Матери Кайгусей даровать всему сущему жизнь, убыстрить течение тёплых ветров, чьи крылья несут благодатную весну, стаи уток, гусей, несут радость сердцам сородичей.

-О, Кайгусьнам, мать, хозяйка всех зверей земли нашей, – пришептывала старуха, – принеси скорее на своем быстроногом сел-красавце олене со стороны Томам теплого неба, подарки горячего И, солнца прекрасноликого. Без его ласки нежной, так холодно в груди – старой, и юной, и мужающей ныне.

Мать Кайгусей, великая Земля Бангамам, будто услышала зов старухи и людей. Потому что затопило долину шумом снявшегося

на реке льда. На берег высыпали все, даже мелкота бесштанная, едва в малицах на ногах стоящая. В забереги, полыньи полетели крошечки черствого хлеба, табака, щепотки пороха. Каждый за-дабривал хозяйку реки, как мог. Такая уж традиция. В стойбище подумали, что обманули беду, ведь пошла рыба. Рыба! Прилетели птицы. Вот-вот издалека, из предалёкого райцентра, до которого в распутье ни на чем не добраться, должны приплыть первые легкие баржонки шняги. Они будут набиты снедью, мануфактурой, охотничьими припасами, рыболовными снастями, разной утварью. Когда все ждали чуда первой встречи с людьми издалека, в чум Биссыма вселилось горе. Слегла старая мать неудачника. Обьелась, наверное, старуха на радостях свежей нежной рыбы. Или еще там что. Только больше с меховой медвежьей постели не поднялась: ушла навсегда к своему старику, давно перебравшемуся к небожителям. Вскоре покинул Бангамам, изболевшийся за зиму, Биссым. Не помогли ему почему-то божки алэлы. Видно там, высоко в небе, посчитали, что он все свои земные добрые дела совершил, пусть уступит место другому ненцу. Врача, конечно, в стойбище не было. Он приедет потом на одном из роко-чущих вонючих тракторов, тянувших в селение из райцентра, где так много домов из дерева и тьма людей, передвижные вагон-доми-ки. Но было это уже после того, как впрягла мать Лены своих оленей в нарты, набитые нехитрым семейным добром, где много места занимали шесты чума и олени шкуры для них, да погнала терпеливых животных, покорных человеку, в далекое Заполярье. Путь свой она сверяла ночью по мерцанию Матери звезд Севера – Полярной звезды. Упряжка неслась к Таймыру. Пело сердце, радовалась женщина приближению милой родины. Да преследо-вал, видно, злой дух эту семью. Чем дальше на зов Матери звезд, вглубь тундры мчали покладистые олешки, тем ниже и ниже опу-скался свод небес. Все мрачней облака, яростней ветер с побере-жья Вечного моря, укрытого льдом. Не счесть, сколько раз худела и полнела Луна, пока не приблизились мать с дочкой к границе той земли, откуда пришла в этот мир мать Лены. Совсем обесси-ленная подъехала женщина к чумам, разбежавшимся вдоль излу-

чины реки у сопок, поросших кустарником, чьи корявые сучья выглядывали из-под наста. Лай взбешенных собак, завидевших чужаков, выгнал из конусообразных жилищ, обтянутых оленьими шкурами, их обитателей. То была семья шамана, изгнанная много лет назад из стойбища Начальником здешнего райцентра. Всем своим замшелым сердцем, заскорузлой душой ненавидел шаман новую власть, отнявшую у него власть над людьми. Его время, вернее, время его сына, унаследовавшего от него все тайны воздействия на соплеменников, секреты врачевания людей средствами Природы, придёт гораздо позже, когда дух его отца, так и не простившего властям Красного знамени своего унижения, давно поселится среди небожителей. А тогда он исходил потом от бесильной злобы, наблюдая издали, как из покорных некогда ему соплеменников создают колхозы, сгоняют оленей в огромные стада, топчущие тундру, где так не быстро растёт ягель. А рыболовецкие бригады бессовестно опустошали реки, буквально вычерпывая из них осетра, муксуна, щёкура... Будто истаяло пушное зверьё, которому, казалось, не будет конца. Его люди до бесчувствия накачивались в лавках «горючей водой». Лишь в одном он, Большой Отец многих стойбищ, видел пользу от новой власти: доктора в белых халатах творили настоящее чудо, избавляя тундровиков от трахомы-этого бича оленеводов, и от многих других хворей, которые он, увы, не в силах изгнать из стойбищ. Вначале он думал, что эти шаманы в белых халатах попросят его помочь им лечить людей, он ведь многое умел, знал целебную силу местных корений и трав. Где они напасутся столько порошков, чтобы лечить его сородичей? Но убегали месяц за месяцем, год за годом, а никто и не подумал позвать его в помощники. О нём начали забывать в стойбищах. Как он сам мог придти к Большому Начальнику в райцентр и предложить свою помощь, когда знал, что во всех русских селениях края изгнаны священники, а православные храмы превращены в склады, пекарни, в лучшем случае в них селились какие-то чиновники. Потом бесследно стали пропадать известные люди. Большой слух пронёсся в тундре еще перед войной с немцем: держащие Красное знамя загоняют лю-

дей толпами в тюрьмы, как сгоняли в колхозы его соплеменников. Знающие рассказывали ему о великом страхе, навеки поселившемся в душах русских и других народов, поскольку лучших людей выкашивали пулями. Он, Большой Шаман, Отец многих стойбищ, человек постигший грамоту, давно никому и ничему не верил. И когда ему привозили газеты из райцентра, он, прочтя их, рвал своими желтыми крепкими зубами, как матерый волк режет глотки оленям, те листки, вонявшие типографской краской. Он плевал в эти длинные чёрные строчки, которые больше ввали, чем говорили правду, как думалось ему. Часто навещало его видение, как Начальник с малым отрядом бойцов из райцентра гнался за его семьей по тундре. Тут он был неуязвим, знал каждую сопку, каждую речку и болотце. Он мотался по безбрежной тундре, путал следы. Кто мог его поймать? Кто осмелился бы предать его? Живы те старики и старухи, те вошедшие в силу соплеменники, которых он избавил от болезней, которым дал удачу в охоте и рыболовстве. Семья шамана жила безбедно, потому что вот она палочка-выручалочка – большое оленьё стадо. Значит, всегда есть мясо и тёплые шкуры, из которых бабы сошьют и малицы, и торбаса, и еще много чего полезного. Животных можно запросто обменять на продукты геологам и разным спецам, снующим по тундре. Не трудно и выгодно продать оленьё мясо: вон, сколько новых поселений, а с продуктами, особо мясными, не густо. В дальних от райцентров стойбищах шаману ещё верили, но больше старики да старухи. А приезжающие из интернатов на летнюю побывку юнцы высмеивали его, правда, кое-кто из них за это получал от родителей увесистые затрешины. Некоторые люди, уже умудрённые жизненным опытом, втихомолку посмеивались над ним, прикрывая рукавами малицы рот, чтобы тот не заметил и не мстил им, навлекая злых духов. Люди-таки побаивались злых колдовских чар шамана, да дальнобойного винчестера и ружей его детей и родни шамана: мало ли что взбредёт в голову старому человеку, обглоданному зубами власти, отвергнутому многими соплеменниками.

Прижав к груди дочь, брела, спотыкаясь, к близким чумам женщина в ободранной парке. Страшный огонь жёг тело матери

Лены, в голове женщины перепутались мысли, ей хотелось в тепло, чтобы отогреть озябшую дочь, накормить её горячей пищей и забыться сладким сном. Старый шаман хотел преградить дорогу незнакомке, выпроводить нищенку вон, заорать на неё. Что-то сдержало его, заставило отступить назад. Видно, ещё теплилось сочувствие в его иссохшей груди. Возможно, понял, каков дальний путь преодолела эта незваная гостья с маленькой девочкой. Откинув полог чума, женщина упала в обморок.

– О, я*ерв – хозяин земли, о пэдара ерв – хозяин леса! – завопил шаман. – Почему пламя костра извивалось сучком, когда в моё жилище ворвалась оборванка с девочкой? Если вместе с ними пришли злые духи, то пусть все гости покинут моё жилище.

Внезапно пыхнул костер, недра его выстрелили угольками. Шипя, опустились горячие красные точки на мокрую одежду, на чёрные косы расprostертой на шкурах женщины. Захныкала Лена. Взвыл старый шаман, всем телом задёргался над женской паркой. Еще бы, поверье гласит: даже попадание искр из очага на голову женщины наверняка приведёт к какой-то беде. А только что вырвался целый сноп и нимбом опустился на голову незнакомки. Загалдело переполошенное шаманом его семейство. Когда мать Лены пришла в себя, рядом с ней была одна дочь, еле трепетал костёр. Отбросила легкий полог: нет ни души, ни её оленьей упряжки. Себе шаман взял, в обмен на оставленный чум, и прочь подался со всем своим семейством и своими людьми и оленьим стадом. Постанывая от ломоты в теле, жжения в груди, женщина занесла в жилище торбу с едой, развязала мешок, достав из него завернутые в холст вяленое мясо, рыбу и чёрствый хлеб, подбросила оставшийся сухостой в костёр. Ей-то огонь ни к чему, сама горит, как пламя, лишь бы уснувшей дочке было тепло. Гудело в голове, всё путалось перед глазами: огонь костра, олени шкуры на земле, торба, спящая дочь. Отчего-то она даже не могла вспомнить её имя.

Спустя несколько дней, как пропал с зимней стоянки шаман с семьей, этот одинокий чум повстречал на своём пути доктор из райцентра, объезжавший с помощниками дальние оленеводче-

ские бригады. Войдя в чум, он отшатнулся: в обнимку с окоченевшим трупом женщины спал ребёнок. Девочку на время приютила медсестра. А через какое-то время, узнав трагическую историю найдёныша, девочку удочерили сострадательные Поджидаевы. Они работали на здешней метеостанции, ожидали замену, готовясь к отъезду в Новохоломск. Так у девчушки, нареченною Леной, появились мама и папа, старшая сестра и даже бабушка. Такая большая семья.

* * *

Самое черствое сердце мог растопить рассказ Лены. Что говорить о молодом журналисте! Ледок недоговоренности, умолчания каких-то эпизодов своей жизни, обычно сковывающий отношения между незнакомыми на первых порах людьми, растаял. Виссарион в свою очередь с многими презабавными деталями посвятил девушку в редакционные мини-секреты. Лена первой протянула ему маленькую тёплую ладошку и молвила, когда он легонько стиснул её пальцы:

– Я рада, что познакомилась с тобой. Мне тут порой было нехорошо, особенно зимой. С мамой и отцом много не поболтаешь, а общения с другими людьми почти ноль. Потому, наверное, стала такой болтушкой, хочется с кем-то выговориться. Знаешь, ветер, один ветер, казалось, жил на всем божьем свете. Все же я выросла в большом городе, скучаю по его улицам.

– Да, Лена, вы сами выбрали эту гору себе на жительство. Кому-то и тут надо работать. Избито, но так и есть.

– Н-да, жаль, что погостите у нас так мало. Баба Варя сказала, что ваш отряд сегодня пойдёт обратно, с горы – на землю.

В дверях вырос отец Лены:

– Друзья мои, помогите хозяйке собрать на стол. Чайник уже вспотел, давно заварка просится в чашки.

– Ой, папка, а Вася еще и не умывался, – хохотнула девушка.

– Как наш кот Ефим.

– Дочка, ты лихачишь. Извиняйся!

– Еще чего, заступник неумывахи!

– Молодой человек, как это? – притворно изумился Поджидаев. Его брови поползли вверх, и худощавое костистое лицо оттого стало забавным, сродни театральной маске мима.

Стражин принял игру:

– Слушаюсь и повинуюсь. Удаляюсь, дабы окропить лицо целительной влагой горы Райской.

За завтраком гости упросили Алексея Игнатьевича пойти с ними на самую высшую точку горы Райской. Только он знал кратчайшую тропу к триангуляционному пункту. Время поджимало связистов: предстояло поспешить, чтобы составить черновые расчеты по установке ретранслятора, или дать свое заключение о нецелесообразности намеченного строительства. Еще надо вернуться на станцию, пообедать и, забрав вещи, успеть спуститься с горы по тросу, чтобы не опоздать к вечернему поезду в обратную дорогу. Вслед за хозяином станции гуськом шли путешественники. Рассеивался плотный утренний туман, островки которого таинственно колыхались, медленно распадались и таяли на глазах изумленных людей.

5. СКАЗКА О КАМЕННОЙ ИДОЛ-ПТИЦЕ

Долго нарастал этот шум. Он шёл из самых недр и был клоко-чушим и ревушим. Крепче прежнего цеплялись своими корнями деревья огромного леса за ставшую знойной почву. И в страхе все они, молодые и старые, спрашивали у самого старшего, их вождя: «Что это?»

– Не знаю, – печально отвечал мудрейший. – Я вырос в этой долине первым, сюда меня занёс южный ветер из благодатных мест, где, как много позже мне рассказывали птицы, страна покорителей пространства и времени – атлантов. Мы живём на краю их земли. А потом появились вы, наше племя зеленое, – кивнул он ветвями в сторону младших. – Многое помню я на своём веку. Хлестали нас ветры дикие, глодали наши листья звери жуткие, чешуей обросшие, вода океана топила нас. Так ведь, мудрые?

– Так, так, – зашелестели листвою ветви старых деревьев. – Так, так. Помним всё это мы.

– Гибло нас много, вырастало больше, – продолжил мудрейший. – Для зверя дикого плод наш горький, и убрались они восwoяси. А ветер не страшен нам, жилы наши сильны, и вода не берет, крепки корни. Помню я, как появился ты, дубок – широколист, и как впервой зазеленела листвою молодая берёзка – белокожица, и как ёлочка – ежик проклюнулась у светлого родничка. Всякое помню. Но никогда ещё так не тряслась земля, никогда ещё не было шума такого, никогда ещё так не кружилась моя голова. Даже в тот день...

Притих лес, и было слышно, как падают слезы из глаз старого великана – вождя, большие, точно желуди дуба.

– Заросли пни тех уж сгинувших братьев. И десятая часть самых мудрых не вспомнит имён их. Даёт знать та история и поныне, все ещё ломит кости, и кора моя треснула, кое-где обломалась. Да, то был страшный день. Молнию можно ль представить без тучи? Она была устрашающая! С ревом молния пронеслась над лесом. И гибли те, кого хвост её с корнем вывернул. Потом внезапно вошла она вверх, и горе тем, над кем поднялась прямо в небо. Вошла, до корней обожгла наших прадедов, и, зловещая, скрылась в облаке. И страшусь с тех пор я лишь молнии той.

Не успел досказать свою речь старый вождь, как вдали запылал небосвод. Гул страшенный, как сто разъярённых морей, полетел и снова заглох. А огромной каменной птице-идолу, которой поклонялся весь лес и даже самый мудрейший, деревья в тревоге шептали: «Спаси! Сохрани нас!» Только камень тот, что поил всех чудесным ручьем, оставался глухим. Он всегда был глухим. Он ушёл весь в себя, потемнел, тыщи лет позади! Он теперь весь в тени. Благодать, ведь солнце не жжет. Благодать, тут ветра не секут, потому что деревья вокруг растут. Тишина да покой доконали камень: и оглох он, и почти что ослеп.

Жар земной по корням вдруг пребольно хлестнул. И поднялась земля, и разверзлась земля, и упал неба свод. И пропал весь лесной народ.

Голосисто заливалась лайка Вьюга, увязавшаяся за хозяином. Что-то восторженно кричал, размахивая руками, Женька Петров, вырвавшийся вперёд от группы. Если друг зовет, надо идти. По дороге от пункта триангуляции до места, где прошлой осенью стояли лагерем приезжие из областного центра и местные связисты из Сетарда, делая самые предварительные наметки по установке именно здесь ретранслятора, Виссарион разговорился с Игорем Хрипко.

— С вами, Игорь, можно согласиться в том, что установка ретранслятора обойдется дешевле строительства телецентра. Но тогда самые северные районы области окажутся в проигрыше: им телевидение будет недоступно. И невозможно показать жизнь наших районов.

Хрипко пытался высказать свои аргументы. Виссарион упрямо продолжал:

— Дайте изложить мысль полностью. Так вот. Можно, конечно, с помощью ретрансляторов, воздвигнутых у границ соседней, северной области, иметь устойчивый приём телевещания. Но нас, присетинцев, дела в соседней области интересуют постольку — поскольку. И обслуживающий персонал ретранслятора, наверно, немалый. Надо строить жилье. Как и чем заманить сюда, на вершину Райской, инженеров и техников? А их семьи? Их не будут здесь ждать благоустроенные квартиры и французские булки.

Заметив протестующий жест Игоря, Стражин завершил свой монолог:

— Людей смелых и сильных духом России не занимать. Но жить на горе придется не год и не два. В том закавыка. Может сломаться психология человека.

— О чём спор. Райская — не городской проспект, — энергично подхватил тему Хрипко. — Прожить здесь лет пять, я бы не набрался смелости, или, точнее, силы воли. Люблю город, по натуре горожанин. Однако годика два-три пожил бы, не хныча. Такие вахты, с регулярной заменой персонала, выдюжит каждый здоровый человек. Добровольцы, готовые проложить тропу другим,

найдутся, в том нет сомнений. Но я полагаю, что строить телецентр в Сетарде – неоправданная роскошь, влетит в копеечку, да какую. К тому же иметь два телецентра по прямой, имею в виду соседнюю область, на расстоянии всего чуть больше двухсот километров-нецелесообразно. А телесюжеты о жизни наших северных районов, отснятых телевиками-собкорами, показывать соседям не представляет сложности. Руководство договорится. Я – за ретрансляторы.

– А я за свой телецентр! Районы наши не нищие, есть и газ, и «черное золото», и руды, – парировал журналист.

* * *

Все настойчивее Женькин голос, группа спешит к нему. И каждый замер очарованный: среди лунного однообразия горного ландшафта, где камень на камне, красовалась огромная птица. Каменная птица. Она была вдали от редчайших здесь в ту пору туристских троп, и просматривалась издали под определённым углом. Будто Природа-владычица хранила её. Всем показалось, что перед ними лежит преобладающая утка. Присела передохнуть на минутку-другую и почему-то окаменела.

* * *

Такого волнения земли каменная птица-идол не испытывала. Раньше все деревья молились ей, как святой, потому что она своим родником подарила жизнь многим. И птица привыкла к тиши и покою. А тут в какой-то момент она вдруг ощутила, что уже не камень, а полная сил и упругих перьев в красивых крыльях гордая птица. Подброшенная невероятной силой, она взмыла высоко вверх, закрыв от наслаждения, обуявших чувств, свои каменные глаза. И не видела птица, как всё вокруг рушилось. Земля бугрилась, рвалась с неистовым грохотом. Из самого сердца Геи била жгучая алая кровь, а сквозь простреленную, разорванную бурным адским потоком земную грудь вырывались чудовищные вихри пламени. А птицу все швыряло и швыряло. Ей даже почудилось, будто она слышала клёкот своей матери, и стало обидно, что она,

такая красивая гордая птица, всего-то лишь камень. Птица силилась вспомнить тот день, когда превратилась в холодный камень. Быть может, она совершила некий грех, напала на ребёнка кичливых двуногих существ, которые, говорили ей соплеменники, даже грозили Марсу! Или, может быть, хотела свергнуть царицу своего рода, праведницу АР? Тогда Матушка Мира наказала её. Но мысли о прошлом быстро затухли, словно их не было. Она просто упивалась далёким полётом. Потом та же невероятная сила ухнула каменную птицу в клокочущую жгучую реку. От боли она потеряла сознание.

Пролетело много веков, пока она очнулась. Пришла в себя и ничего не узнала вокруг. Не было уж той бархатной зелёной долины, а кругом лежали или валялись, как попало, такие же, как она, камни. Только в ней ещё билось сердце, так редко, так тихо. И все же она жила. Дул пронизывающий ветер, а зимой ее укутывало чем-то белым. То был снег. «Снег этот белый падает с неба, – так поясняли ей те камни, в которых тоже еще теплилась жизнь. – Снег – это брат свирепого Борея». А ночами на вершину опускались тучи странницы. Слышала птица от них разные мудреные речи. Узнала, что её родина, где процветали эти двуногие атланты, исчезла в морской пучине. А ещё: будто есть другие люди и города, в которых они живут. Дома там из дерева и камня. И много разных чудес на свете. Когда же птица замечала в горах этих людей, то в страхе совсем закрывала глаза и молилась Матушке Мира, чтобы они прошли мимо неё. Если людей было много – вереница, то они чего-то беспрестанно орали и звали себя как-то странно – туристы. Другие шли молча, согнувшись к холодной тут Гее под тяжестью рюкзаков, зачем-то стучали по камням молотками. Однажды у птицы появилась тайна. Ни одному камню живому не обмолвилась. Птица ведь знакомилась лишь с живыми камнями, кто мог размышлять о судьбе, о природе вещей. Да таких в округе была горстка. И те постепенно гибли. Их рушило время. И у птицы-камня давно ослабли глаза, видать, каменели последние силы её жизни. Как-то упавший с небес чёрный камень неловко ударил её. Она чуть накренилась, веки открыла. И едва не

вырвался из груди крик. В поверженном рядом могучем длинном камне она узнала знакомый силуэт мудрейшего вождя-дерева из их прекрасной долины, поросшей там и сям чудесным лесом. Это был теперь коричнево-серый камень, как и все поодаль. Трудно было узнать в раскрошенном каменном теле вождя – исполина Великого, мудрейшего из мудрейших родной бархатной долины. Да как не узнать! Так могуч был в долине только ОДИН.

Сердце её по каменеющим жилам толкнуло стынущую каплю крови. Пробудилась внезапно быстрая мысль. И припомнила тяжёлая птица всё-всё. Стая их в предавние времена опустилась на отдых в долину. Она, только что приняв обряд взрослой птицы, открылась вождю стаи, что полюбила Великое Дерево, чьи ветви так ласковы и упруги.

– Летите без меня, – молвила птица вождю. – Я не могу стать деревцем, но и покинуть Великое Дерево мне невмочь. Он нежно так гладил мои перья...

Долго увещевал птицу юную стаи вождь. Он сам мечтал стать её повелителем полновластным, надоела ему старая АР. Но тверда была в слове юная.

– Быть по-твоему, – захрипел обозлётанный вожак. – Оставайся, коль хочешь в долине. – Сам взмахнул в гневе тронным пером, и упала Птица на землю Камнем.

Про это она никогда не рассказывала ни одному живому камню, хранила свою тайну. Птица-камень любила Великое Дерево. И об этом даже сейчас, когда стала стара и морщиниста, не хотела ни с кем делиться. Её великий вождь был не жив. Она всё же верила, что, быть может, когда-нибудь да забьётся в нём тяжёлое каменное сердце. Но годы шли, а сердце так и не застучало. Не застучало. И всё больше тлел камень, и всё больше старела птица.

* * *

И они увидели эту чудо-птицу. Рядом с ней лежало окаменевшее дерево. На три четверти это был истинно камень, только у основания можно было разглядеть волокна, в которых застыли нити каменные. На том участке и прослеживалось, как дерево превра-

щалось в камень. Окаменелую часть ствола тоже доконали годы: легкий удар туристских топориков расколол небольшой кусок загадочного ствола. И тогда среди камня увидели люди длинные трухлявые жилы древнего дерева, возможно познавшего тайну гибели Атлантиды. Пахли те жилы миллионами канувших в вечность лет.

Долго не стихали разговоры об удивительной птице-камне, будто стерегущей от веяния Времени тело окаменевшего некогда исполинского дерева. Никто не хотел первым уходить отсюда. Так велико было очарование соседства каменной птицы с останками окаменевшего дерева. Сделать шаг прочь, значило расстаться с первозданной красотой гор, с их бесконечными цепями, кутающих головы – вершины в облака, с лучащимися на солнце островками снега и не тающими ледниками. Навсегда пленилось сердце Виссариона голубыми глазами карстовых озёр. Все это вечность. ВЕЧНОСТЬ. И всем думалось, что сюда непременно придут другие люди, и они тоже будут думать о вечности, о прошлом, о быстротечности Времени, обо всём сущем думать проникновенно. Для этого надо заглянуть вглубь себя, своего мировосприятия, понять мир людей и Природы. Тогда, быть может, удастся заглянуть в неоглядную даль будущего и почувствовать, что люди тоже вечны.

* * *

Швыряет пассажиров вездехода из стороны в сторону, в щели брезентового верха проникает настырный ветер. Стражин уткнул нос в тёплый шарф. Теперь мысли то возвращаются домой к своей семье, то к редакции областной газеты «Правда Ироши», в которой он работает не один год, то опять в далёкий Сетард. С особой остротой всплывали подробности того печального дня, когда сообщение бухгалтерши о кончине бабы Вари вывело из душевного равновесия почти всех газетчиков. Решили устроить похороны вскладчину. Журналисты подходили к Зое Порфирьевне и она в четко разграфлённой сетке против каждой фамилии ставила галочку и помечала, сколько кто сдаёт рублей. Падали на

стол синие пятерки, зеленые трёшки, даже червонцы. Осенним жухлым листом опустился один рубль.

– Мертвой много денег не надо, – бросил походя весельчак Рантов и побыстрее ретировался из приёмной.

Всем стало страшно неловко, словно на их глазах свершилось святотатство. Что сказать Вальке? Все знали, что он вереницу лет проработал в редакции с бабой Варей. Это журналист, которого при каждом удобном случае поощряло газетное начальство. Фотомастер, чьи работы с успехом экспонировались на малых и больших республиканских выставках. Хохмач и задира. Но ведь облохматило его душу проросшее невесть как зерно сорной травы, зерно равнодушия, зерно людской пагубы.

– В этом весь Валька Рантов, – скажет кто-то из ребят, когда за ним с визгом захлопнется покоробленная дверь.

– Руки ему больше не подам, – буркнул Стражин.

А Танька Басова, литсотрудник без году неделя, выложила пятёрку и убежала оплакивать бабу Варю. «Девчонка в восемнадцатилетней послешкольной юбке», – подзуживал её Рантов. Восемнадцатилетняя ревела по-девчоночьи громко и горько, закрывшись в старом чулане, где хранились подшивки газет и куда частенько бегал гонять мышшей редакционный кот Ёсоська. Танька плакала, а он мурлыкал, то ли успокаивая её, то ли по-своему сочувствуя. Они, животные, тоже кое-что соображают. Через неделю место бабы Вари заняла другая машинистка. Молодая, но понятливая, как баба Варя. Она только долго не могла уяснить, почему ей неохотно дают печатать рукописи. Так ведь она сидела за столиком бабы Вари, за её старенькой «Олимпией». Новенькая не умела так шуриться на солнце, и так запахиваться зимой в платок, как это делала Степановна. Разве кто другой заменит её? Милую, всё отлично понимающую, рассудительную и спокойную женщину, кто? Но девчонка со смыслом, шустрее Зинки. Когда ей приносят очерк, она говорит:

– Прямо-честно скажу, нравится. Толково, дак много, опять урежут. Сам не сократишь?..

Если материал средненький, серый, она тихонько так:

– Прямо-честно скажу, через строчку цифра на цифре, через пару строк все проценты. Что-нибудь другое отпечатаем?

Да, время, время, время. Разве за ним уследишь? Год как не работает в редакции Танька Басова. Не скоро она станет акулой журналистики, зато давно настоящий человек. Приехала в Сетард на каникулы, в университете – знай наших! – и сразу в приёмную, где сиживала за «Олимпией» баба Варя. Тут старая нередко вразумляла «чадо непутёвое»:

– Таньк, а Таньк, в кого ты выросла такое чадо непутёвое? Опять «Тяп – ляп» по тебе скучает.

– Что уж вы такого обо мне мнения, баба Варя? Мобыть, я вырасту в акулу журналистики.

– Ишь, ты, тогда туши свет. Однако, поищи сперва ветер в поле.

– Лады, баб Варь, уже ищу.

6. ПОЧЕМУ ЭОЛ НЕ СБРОСИЛ СО СКАЛЫ

Отчего-то рваный ход тягача, когда скорость на непредсказуемо капризной тундровой трассе то у предела высшей черты, то резко гасится, способствовал, как противопоставление, что ли, воскрешению из глубины сознания плавного бега теплохода «Омик». Он много лет назад уносил Виссариона из Сетарда. Кажется, совсем недавно набегала на сказочно белый борт некрутая волна. В лучах прячущегося за зубцами гор солнышка, менялась окраска молочно-снеговых шапок вершин. От алого с проблеском желтизны, до цвета осеннего медно-красного кленового листа. Затем пролился серо-свинцовый. А позже синие и фиолетовые мазки погрузили реку и все окрест в кобальтовый колодец – такой непроглядно тёмный. Стражину тогда подумалось, что это словно сюрреалистическая картина жизни человека. А сейчас, в вездеходе, он вновь и вновь возвращался к прощанию с Леной на горе Райской. Тогда, по дороге к спуску с горы, баба Варя сказала ему с хитринкой:

– Вась, больно долго ты пожимал руку Лене, и она долго махала нам ручкой, а? Как бы тебе ещё раз не довелось сбегать на эту горуху. Если не сотворишь очерк о метеорологах, знать тебя не знаю, опусы твои печатать не стану.

Виссарион отшучивался от необидных дружеских наскоков бабы Вари, а его мысли уносились к Райской, к горе, где осталась Лена. Пока он не мог со всей определенностью истолковать чувство, как бы внедрившееся в него после встречи с девушкой. Что пленило его сердце, неискушенного в любви молодого человека, жаждущего чуда? Возможно, дело в том, что он слишком долго втайне ожидал Ее появления, и та романтическая встреча на метеостанции и возникшая, будто сотканная из чуда, птица-камень лишь всколыхнули чуткое воображение и мысли, как бы притаившиеся в глубине сознания о той ЕДИНСТВЕННОЙ. А мгновенный жар сердца не принял ли он за то святое, к чему стремилась его душа? Но отчего тогда так теплело в его груди всякий раз, когда думал о Лене? Быть может, откровения девушки о горькой судьбе её родных и тех испытаниях, которые ей довелось пережить, повлияли на него, неотразимо войдя в душу. Он в мельчайших подробностях видел запечатленную сознанием ту ночь в дежурке метеорологов, когда оставался с девушкой наедине. Здесь, в кузове вездехода, спустя годы, Виссарион помнил, как подшучивала над ним Лена, когда он пытался в прихожей, поеживаясь от холода, проникающего через мелкие щели, продавить металлическим соском умывальника прихваченную ледком воду. Как нехотя шел вверх сосок, пропуская тоненькую струйку, как стыли пальцы, и приходилось дуть на них, чтобы принять в ладони новую порцию студеной влаги горы Райской. Он помнил и сейчас, как густел пар изо рта, как звонко взвизгнула проходившая мимо Лена, когда он брызнул ей в лицо ледяные капли. О, как прыгал он с одной ноги на другую, когда она запустила ему за шиворот рубашки ледяшку из умывальника. Они оба хохотали от этих милых шуток. А он, пытаясь поймать ледяшку, лез холодными пальцами под рубашку и кричал ей вслед:

– Фея должна быть доброй! Фея злая – ох-хо-хо!

Милые мелочи в незамысловатых человеческих взаимоотношениях, простых контактах. С ними, наверное, возвращаются к людям лучи детства, незамутнённые напластованиями ошибок прожитых лет. Тот серый рассвет, пробуждающий жизнь нового дня, принёс радость двум молодым людям, доселе незнакомым. Они встретились, но станут ли частью друг друга? Ему это хотелось испытать. Как забыть ему их первый в жизни совместный завтрак, когда они сидели за столом рядышком и совсем близко. Из натопленных печей избы, как звали свой домик Поджидаевы, шли в комнату волны тёплого воздуха. Гости и хозяева метеостанции обменивались впечатлениями о вечерней телепередаче, о перспективности строительства здесь ретранслятора, судачили о разном. Девушка и парень смущённо переглядывались, когда соприкасались их локти. Озорно глянув на них, баба Варя громко сказала:

– Вася-Виссарик, Лена. Вы такая замечательная пара! Сижу и люблюсь вами.

– А что, – вставил Женька Петров, – глядишь, братцы, и «горько!» будем кричать, а?

– Эт, чертяки, смутили мне девку, – хмыкнул Алексей Игнатьевич.

После и состоялся тот памятный туристам поход к вершине, к триангуляционному пункту. А затем встреча с камень-птицей и окаменевшим деревом исполином. Возвратившись в Сетард, Виссарион за один вечер и одну ночь написал очерк о семье метеорологов, в который была вплетена и сказка о каменной идол-птице. Материал появился в газете без купюр, на целую полосу. В один конверт Стражин запечатал очерк, а в другой письмо к Лене. По странной прихоти случая вначале на Райскую доставили с вертолётной оказией его маленькое послание девушке, гораздо позже газету с очерком. Лена ему ответила коротким письмом. Так между ними завязалась переписка. Она, как Виссариону думалось, их сблизила. Письма эти из Сетарда на гору и с Райской в долину, как два луча, несущих сгустки мыслей, молодой энергии, чувств.

После похорон бабы Вари Стражин осунулся, поугрюмел лицом. За перо брался вяло, долго не мог войти в привычную газет-

ную колею. На летучках молодого журналиста начали поругивать: мало даёт строчек в номер, проблемные материалы сырые, их в секретариате правят. Он чувствовал, надо встряхнуться, как-то сбросить с души тяжкий груз потери бабы Вари. Но как разбить этот камень печали, тоски? Перед глазами Виссариона, как живая, стояла баб Варя, такая же смешливая, обаятельная. Как быть? Он решился на отчаянный по тому времени года шаг – сходить на Райскую. Ведь подняться по тросу не трудно. Но так летом. А в разгар зимы!? Задумать легко, а выполнить? Да еще одному. Выдюжит ли? Будто его что-то влекло, тянуло в гору. Сославшись в редакции на неотложные в пятницу дела в аэропорту, он накануне поездки договорился с другом-вертолётчиком, частенько доставляющим на другой берег Сеты разные грузы, что тот утречком захватит его с собой. Конечно, это было нарушение лётных правил. Да в ту пору на это смотрели сквозь пальцы. Подобным образом поступало начальство разного ранга. А как журналисту написать о пилоте и не слетать с ним? Лёту всего ничего, с четверть часа. В комнате общежития Виссарион вытащил из-под кровати меховые штаны, унты, из шкафа достал теплую геологическую куртку дубленку, крытую плотной черной тканью, меховые перчатки, старую норковую ушанку. Экипировка что надо. Бросил в рюкзак газеты, несколько банок говяжьей тушенки и рыбных консервов местного рыбзавода, фляжку с водкой, прочный термос с горячим кофе, круг копченой колбасы, буханку чёрного хлеба, печенье с конфетами. Дорога предстояла непростая, и угостить хозяев метеостанции будет чем. В аэропорту дружок вертолётчик отвел его к пассажирскому винтокрылу Ми-4, а ему, оказалось, выдали иное полётное задание. Не успел и глазом моргнуть Стражин, как оказался на другом берегу Сеты. Успел на поезд. Вот и знакомый с того года железнодорожный перегон. Минутная остановка. Вон домик путевого обходчика. Представившись хозяину, попросил одолжить на день-другой лыжи, ему надо дойти до подъема на Райскую, к тросу

– Ладно, дам запасные лыжи, – согласился обходчик. – Я вас запомнил по тому году. К нам не часто приезжают. Помни: у са-

мого подъёма увидишь валун, под него и сунь бегунки. Найдешь их, если и снегом занесёт.

– Хорошо, так и сделаю.

– Ну и профессию выбрал ты, парень. Эка куда тебя кидают зимой – на гору! Да, к ночи обещают ненастье. Не выиграл бы сиверко.

– К ночи я уж буду чай на метеостанции гонять, – успокоил он железнодорожника.

Обходчик затянулся папиросой, махнул на прощание рукой.

– С богом. Удачи тебе, парень.

Стражин приспособил охотничьи лыжи к унтам и тронулся в путь. Непривычно идти на таких «бегунках». Всё ближе гора, всё медленнее шаг. Устал, с ритма сбивает глубокий снег. Когда приблизился к подножию Райской, серой дымкой окутывался горизонт, заметно посвежело. Втиснув лыжи под камень, подкрепился горячим кофе. Он выпрямился, пробежал глазами весь путь по склону горы. Отчего-то его уже ничто не волновало, ни одной пугливой мысли. Удобнее взвалив рюкзак на плечи, зашагал вверх. Вот он трос. Лез Стражин осторожно, не спеша, тяжелые унты скользили. Как мог берёг силы, вымотает ещё главный отрезок подъёма. На полпути к вершине поскользнулся, рухнул на голый камень. Падал много раз. Саднило колени, видать содрал кожу. Поскользнулся и упал в очередной раз. Grimаса страдания искадила лицо. Тут всё заволокло белой мглой. Лихие горные вихри истово отплясывали победный танец. Дрожащими пальцами завязал тесёмки шапки-ушанки, ощутив подбородком бугорок узла. Колени просили пощады. Виссарион привстал, отворачивая лицо от ветра-наждака, придерживаясь за трос, продолжил подъем. Вскоре обрушился неистовый шквал. Точно кто схватил парня ледяными щупальцами, силясь оторвать от троса и швырнуть вниз на каменные зубья скальных выступов. Рассекая грудью беснующуюся круговерть, он упал на трос, вцепился в него мертвой хваткой. По щекам скатывались горячие слёзы, застывали на концах ушах-отворотах шапки, холодили подбородок, подмачивали тугой узел верёвочки, смерзаясь на нём, раздражая кожу.

Над головой Виссариона что-то выло, визжало, ухало, шипело. В один момент он почувствовал, будто ветрило напрочь сорвал с него одежду и дубит, леденит кожу. Страшной силы порыв ветра. Коченели пальцы рук, ног. Он представил, не видя ни зги: вот он, вот гора, а вокруг царство дикого, необузданного снежного вихря, и если поддаться минутной слабости, то ему вообще больше ничего и никого не видеть. Очередной захват шалого ветра больно лизнул лицо. Некой распрямлённой пружины подбросило Стражина.

— Ах ты, гадина! Сволочь! — в полные лёгкие орал парень и колотил рукой воздух, такой упругий, как тренировочная боксёрская груша. — Ах, чёрт проклятый! — кричал он дико и шёл, перехватывая трос руками, к вершине.

Волочился, спотыкаясь, карабкался, снова спотыкался. Метр, ещё один, ещё немного вверх. И здоровенный толчок в бок. Потеряв равновесие, упал. Он медленно сползал вдоль троса по склону. Спас рюкзак: выпячивающаяся тканью горка консервов вошла в какое-то углубление, движение вниз застопорилось. Этого мгновения было достаточно, чтобы найти унтами упор. Опора, как она нужна человеку в любой нестандартной ситуации. Мелко-мелко перебирая ногами и руками, подполз к тросу. Есть захват! Перевёл дыхание. «Только не смотреть вниз, — уговаривал себя. — Иначе всё, тут и околею». До вершины оставалось меньше сотни метров, самых трудных, самых крутых. Чтобы не застыть, отстегнул от брючного ремня фляжку с водкой, мысленно одоббив свой поступок там, в будке обходчика, где догадался вытащить её из рюкзака и приторочить к меховым штанам. Как же надо именно сейчас хлебнуть «горячей воды». Кое-как отвинтил пробку, и опрокинул жгучую жидкость в рот. В маленьком «бидончике» ещё булькало. Хватит, водка ещё сгодится. Но не может он заставить себя оторваться от троса. Нахлынувшая боязнь сорваться вниз сковывает руки, тело. А ветер, чуть передохнув, вновь злобствовал. Тёмно-синяя мгла всосала в себя, наверное, всю землю.

Старый Эол, бессердечный бог ветров, неистовствовал: маленький, смешной человек, червяком извивающийся на скале, сейчас распластанный, не двигался, будто прирос к камню. Как ни ухищрялся Эол, не удавалось сбросить его со скалы в пропасть, на рваные каменные гряды-зубья. Уже замело на много верст железную дорогу, засыпало снежным песком чумы оленеводов, вдавило в снежные барханы цепочку жуков-вездеходов с людьми в них, завалило по крыши маленькие станции вдоль железных веток-дорог, а этот безумец всё ещё на скале, даже продолжает карабкаться по каменной стене.

– Шшшшу – шшшшуууттиишшшь со мной! – шипел, негодуя, Эол. – Вврррёёёшшшь, не ууйдддёёшшшь!

Пролетая над старой каменной птицей, навечно застывшей, Эол присел отдохнуть.

– Здравствуй, старая трясогузка. Все караулишь свой древний развалившийся пень!? Молчишь? Ну-ну. Рассказать, как я нынче лихо над краем этим пронёсся?

– Плохи твои шутки, Эол.

– Что ты понимаешь! Торчишь тут истукан истуканом. Знаешь, что я могу сделать с тобой!? погоди, братья мои растерзают мальчишку у троса и разнесут тебя в пух и прах!

– Эол, мои крылья навеки приросли к исполину вождю. О, если бы чудо! Я взмыла бы в небо и каменной грудью расшвыряла бы братьев твоих. И смельчаку бы наверх дорогу открыла.

– Как смеешь, глухая тетеря, перечить Эолу! Богу ветров!

– Не гневайся. Да, ты бессмертен, куда Гея бежит в просторах Мироздания. Пощади храбреца. О том я молю.

– Ох-ха-ха! Безумству храбрых поём мы песню? Йии – аах – ха-ха! Он повинен уж в том, что встал на моём пути.

– Не будь жесток. Прошу милости. Тот парнишка влюблен. Я это знаю, он был тут, на самой вершине Райской.

– Влюблен? Уж, не в тебя ли, каменная карга!?

– Как ты невежлив. Гордыню смири. Любовь свята всегда. Помнись, иначе я буду взывать к заступнице – Великой Матушке Мира.

– Но-но, пугать вздумала. А кто она, избранница мальчишки?

– Это юная фея из той вон избушки, дева добрая, дева славная.

– Ффффееея! – громко сказано. – Фея... Из домика вон того? Как же, помню её. Я играл с нею в прятки летом прошедшим, и трепал её воронные локоны. Это так. Но достоин ли юноша гладить волосы нашей феи?

– Он влюблён. Заклинаю тебя, пощади. Уходи. Я молюсь уже Матушке Мира.

Смолк Эол. Ветер стих. Вот скользнул он по кручам и унёсся в неведомую даль.

* * *

Стражин лежал на холодном камне. Темно. Беззаботно мерцали звезды. Холод обручем сковал тело. Стянув зубами рукавицы, скалолаз помрачнел: пальцы не слушались, они едва-едва ощущали горячее дыхание распалённого рта. Зубами парень вцепился в ладони, кусал их, что было сил, немилосердно, до крови. Когда пальцы стали подвижны, отстегнул фляжку, с усилием отвинтил колпачок и приложил горлышко к губам, булькнулось содержимое внутрь. Жидкость обожгла горло, желудок. В голове приятно зашумело. По-стариковски кряхтя и постанывая, Виссарион освободил плечи от рюкзака, развязал на нём шнур. На его счастье, термос уцелел, а кофе так кстати. Стражин приободрился, повеселел. Жить можно. Вытащил стопку газет, смял их, засунув в углубление меж камней, поджёг. Газеты занялись дружно, струйки огня свились в один клубок, так тепло ладошкам. Зачарован пламенем, будто первобытный, сидел спасённый человек на мрачной скале. Отодвинулась ночь, вместе с выстреливаемыми искорками летели к недалекой уже вершине мысли журналиста к той, которую он теперь считал своей любимой. Надо вперед, туда, ближе к звездам, к вершине, навстречу счастью. Вот только бы встать...

7. НЕ СОРВАТЬСЯ БЫ, ГОРЫ!

Трос вывел его на вершину. Он не помнил, как доплёлся до метеостанции, как его полуживого втащил в дом Алексей Игнатьевич Поджидаев, как здесь растирали его застывшее тело спиртом. И наступило забытие, он словно провалился в омут. А когда очнулся, встал на ноги, удивился, что нет Лены. Тёмная весть заслонила собой всё, клевала висок чёрным вороном мысль: «Как это! Лена вышла замуж!? Замужем!» Оказывается осенью, после возвращения их группы в Сетард, в нескольких километрах от метеостанции обосновался отряд геологов, искавших какие-то рудные выходы.

– Повалился к нам геолог рыжебороденький, – говорила Зинаида Ивановна, опуская глаза dolu. – Новый человек, нам интересно. А он эрудит, остёр на язык. Сам питерский, с Петроградской стороны. Перед Новым годом, когда их отряд сворачивал работы, он и сосватал Лену. А по весне увёз от нас голубушку нашу Андрюша Разинцев. Так что, замужем она теперь. Живёт и учится в Питере.

«Замужем. Замужем Лена. Замужем», – билась и билась короткая, колючим ершом мысль. Вот так, искали геологи камни занятные с рудой, а нашли фею горы Райской. Вряд ли бы на другой день Стражин спустился с Райской. Ослаб. Грудь сипит, температурит. Вызвал Поджидаев из управления срочно санитарный рейс. Экипаж вертолета подбросил кой-какое оборудование для метеостанции, продукты. С этим бортом вернулся Виссарион в Сетард.

* * *

Сейчас, в кузове тягача, Стражин снова и снова остро переживал те далёкие в прошлом, горькие минуты, когда узнал от Поджидаевых о замужестве Лены. А в одной машине с ним, впереди него, рядом с водителем, сидел тот, кто стал избранником его феи. Ещё когда в гараже Маньчук знакомил Виссариона с Разинцевым, ему открылось, кому он пожимает руку. Отказаться от этой по-

ездки? Значит, сорвать долгожданную командировку к геологам Хорейской экспедиции. В другие отряды не скоро пойдёт транспорт. Да и с какой стати? Он что, собирается разбить чужую семью, разлучить Лену с мужем? Ни в коем разе. Минуло столько годков. Может, она его и не помнит. Виделись всего-то раз! Ну, несколько писем он послал ей и получал коротенькие ответы. Вот и всё. У Виссариона растут сын и дочь. Разве он их когда бросит? Никогда! Да и жизнь у него в основном складывалась по-доброму. Правда, не просто входил в новый коллектив. Требования в областной газете жёсткие, потому первые года полтора порядком корпел над своими корреспонденциями, шлифовал их и шлифовал. Да ещё газетное начальство отдувалось за него, когда герой его фельетона «Изобретатель-комбинатор», хитрюга с лесопромышленного комплекса, вздумал с газетой судиться. *Не по душе был комбинатору газетный выстрел Стражина*, привлёк самых дотошных юристов и выиграл в суде дело. Увы, это Стражину даром не прошло, какое-то время был, что называется, на волосок от увольнения «по собственному желанию». Однако выдал серию приличных материалов, и всё забылось. Со временем с ним стали считаться в газете, а областное руководство разного ранга здоровалось за ручку, не отказывало в интервью. Его последний проблемный очерк о строительстве Новограда газодобытчиков признали в редакции лучшим за год, и ему полагалась творческая командировка. Он выбрал дорогу в горы. Так оказался в Хорейской экспедиции. По иронии судьбы отправился в поисковую партию с человеком, чью фамилию носит Лена. Та, что пленила его сердце, даже не ведая, наверняка, о том. Хотя не могла не догадываться, что понравилась ему: по инициативе Виссариона началась их переписка, пусть и короткая. Правда, она ни разу не заикнулась в своих письмецах, что на её горизонте появился молодой геолог. Н-да, влюбился в неё Васька-Виссарион. Разве скажешь доподлинно, как это с человеком происходит и почему. Наверное, пленила его тем, что, как мнилось ему, характер у неё сродни доброжелательному бабы Вариному, что она тонко чувствовала свой древний народ, что ещё девчонкой так много знала про обычаи

своих сородичей, что была начитанной, интересной собеседницей, что не постеснялась сказать о себе правду – она приёмная дочь Поджидаевых. Этих «что» много. Однако это в прошлом. И, тем не менее, прошлое, пережитое на Райской, держало его так цепко. И даже робкое признание Таньки Басовой, а уж она была хороша собой, такие у неё выразительные голубые глаза, добрые губы, профиль греческой богини, что он ей по сердцу, глубоко не всколыхнули струн его сердца. Долго образ черноглазой феи горы Райской затмевал всех девушек, с которыми его сводила судьба. Чтобы уйти от этого наваждения, он и уехал из Сетарда. В Томилове, областном центре, он встретил свою будущую жену. Технолог Люда работала в ателье пошива верхней одежды. Она внешне походила на Таню Басову, но была изящней, эдакая провинциальная русская София Лорен, только с серо-голубыми глазами, с теплым, радушным и спокойным голосом. Они, вроде бы, подходили друг к другу, сошлись быстро. Подружив месяца два, решили сыграть свадьбу. Оба жили вначале в общежитии. Однако Стражину, как работнику облгазеты, выделили одкомнатную квартиру. Но старой-престарой планировки. Их семейная лодка часто кренилась в волнах плохо устроенного быта. Угнетал постоянный дефицит денег, ведь заработок в газете невелик. А Люда полагала, что журналисты люди состоятельные. Родился сын, рос, а они всё ютились в той же квартирке. Жилищные условия семьи немного улучшились после рождения дочери. В двухкомнатной квартире гораздо просторней. Но это – «хрущёвка». Впрочем, и на том спасибо. Людмила заочно окончила технический вуз и устроилась экономистом. Зарабатывала нормально. И всё же выручало семью её мастерство швеи, она любила обшивать себя и детей, потому семье денег хватало до следующей зарплаты. И всё равно, как много надо растущей девочке, как много чего надо и мальчишке, который активно занимается спортом, готовится поступать в техникум. А жена мечтает о модной шубке, высоченных сапогах, о большой квартире и прочем. Словом, с годами Виссарион старался бывать дома реже, пропадал в командировках, собирал книги на историческую тематику, писал рассказы, мечтая увидеть своё

имя в одном крупном журнале. Текли недели, месяцы, годы. Он много сил отдавал работе с авторами, его колонки в газете ждали читатели. На его выступления, встречи с газетным активом приходили партаппаратчики. Как-то хороший приятель Прохор Пахомов, секретарь партийного комитета крупного завода, намекнул Стражину, что тот скоро будет включен в резерв инструкторов горкома КПСС.

– За тобой угощение, – дружески потрепал Виссариона по плечу Прохор, – по моей инициативе тебя включают в партийную команду города. Одобрило и партбюро редакции.

Потому он перед поездкой в Хорейскую экспедицию оказался как бы на распутье: то ли рвать с журналистикой и поставить крест на мечте о стезе писательской, то ли не помышлять о партийной карьере, и на то у него были свои основания, о которых он ни с кем не делился. Одна из причин: зная немало о состоянии экономики области и страны, о многоликости «ума, чести и совести» эпохи, он постепенно пришел к выводу, что партия со временем стала просто насосом, втягивающим в себя всё самое лучшее, драгоценное и полезное из народа. Позволяя ему жить одинаково бедно, кроме чинодралов разных рангов и отличий, получать квартиры, бесплатно учиться и учить детей, лечиться задарма, иметь другие социальные блага. А к власти приходили лишь нужные партии люди. Партбюрократию он втайне считал «жирными котами», что берут за основу бытия прежде всего своё благополучие. У него был немалый опыт общения с партаппаратчиками, нередко оставлявший в нём сугубо негативный след. Поговорка, что «в семье не без урода» устарела, да ещё как. Шло активное перерождение коммунистической партии, попрание её лучших идеалов. Последний тому пример не выходил из головы. Как-то Бытов, за глаза называемый секретарями парторганизаций «серым кардиналом» обкома партии, предложил Стражину поехать в Старогонский леспромхоз, крупнейший в области, и раздолбать по полной программе его руководство и партком. Мол, ничего не делают для внедрения бригадного подряда, хозяйственного расчёта. Однако журналист знал истинное положение дел

в предприятии. Леспромхоз живёт в медвежьем углу, много лет подряд сюда не выделяли новую технику – ни на лесоповал, ни на вывозку древесины, а та, что в эксплуатации – отработала все положенные ресурсы и сроки, устарела морально и физически. О том не мог не знать и обком партии. Стражин уважал и команду директора предприятия и партком. Те прилагали все усилия, чтобы хозяйство было на плаву. Ещё они не умели юлить, изворачиваться перед областным начальством. Старогонский ЛПХ вызвал о помощи, однако она была минимальная. Зато строго требовали от «лесных командиров» выработки, высоких производственных показателей, роста партийных рядов. Стражин не хотел причинять ни малейшего вреда лесникам, и под благовидными предлогами уклонился от предложения Бытова, выбрал командировку сюда, к геологам.

* * *

Теперь вместе с Разинцевым ехал в горы. С тем самым, при первой встрече с которым чуть не задохнулся от ревности. Казалось бы, его чувство к Лене давно остыло. И на тебе! Вновь и вновь он спрашивает себя, так что же его влечет к ней? Ответа нет. Может, любопытство? Нет, всё сложнее. Ему, прежде всего, просто хотелось в горы. Они, как полагал Виссарион, шлифуют душу человека, снимают с неё всякую накипь. Ему хотелось обновления, чтобы после поездки другими глазами взглянуть и на себя, и на окружающий мир, чтобы лучше понимать тех, для кого стал дорог, любим. Он осознал давно: любовь к Лене в прошлом, некие романтические приключения, которые, тем не менее на многие годы взяли его в плен и не отпускают. Сумбурные размышления прервал голос водителя:

– Разинцев, а чего кислый? Никак к жене твоей мчим.

– Отстань, Валька. Разморило меня.

– Смотри, окурков в бороде не оставь, а то вспыхнет твоя метла рыжая. А пожарных нет, тушить некому. Как тебя поджаренного Лена признает?

– Не егози, Шабалов, – нехотя ответил Разинцев. – У тебя самого борода чисто патриаршья.

Их голоса тонут в рёве двигателя. А гусеницы вездехода мнут и мнут белую шубу тундры. Шабалов смело ведёт свой «танк» навстречу очередному заряду бури. Валентину знаком тут каждый метр. Он старожил экспедиции, потому запанибрата, кроме Маньчука и его ближайшего окружения, со всеми: «старичок», «кадр», «смешная раззява», и чего ещё не высказывает из его уст. Ему прощается и не то. Если вытянуть в одну колею километры, которые он наездил в горах и тундре, так ею можно обмотать вокруг экватора.

– Ну, как, не пишет тебе тот практикант?! – перекрывая и грохот двигателя, и вой одичавшего разбойничьего ветра кричит Валька, обращаясь к Разинцеву.

Шабалов не любит играть в машине в молчанку, и потому готов переключиться на любую тему.

– История с практикантом приключилась забавная, – оживляется Разинцев, повернув голову к Стражину. – Присел летом наш студент на край шурфа и что-то царапает в блокноте, песенку под нос мурлычет. Увлёкся делом и не заметил, как в его владение Топтыгин пробрался. Медведи обнаглели, нередко у наших ребят продукты воровали. Особо горазды на сгущенку. Этот косолапый, безобидный зверюга, мы его раньше приметили, к тому же охоч песенки послушать. Эстет.

Виссарион рассмеялся:

– Ну, ты даешь, медведь – эстет!

– Не перебивай. Так вот, стоило пареньку замолчать, перевести дух, как мишка, огорчённый тем, что песня внезапно оборвалась, негодуяюще рывкнул. Наш практикант заорал благим матом, переполошив весь лагерь, а сам скатился в шурф, только камни гремели. Может быть, парень ещё и звуки громко неприличные издал. Словом, вокруг было столько шума, что медведь с перепугу дал такого дёру! Скрылся из глаз в считанные секунды. – Андрей заразительно смеется, поглаживая бороду. – Да, всякое, братцы, у нас бывает.

Постепенно, сглаживая очертания торчащих из снега кустарников, снежных барханов-намётов, тянувшихся до горизонта гор-